

18+

ШАРЛЬ БЁЛЕ

Суд над цезарями

ПЕРВАЯ ЧАСТЬ: АВГУСТ, ТИБЕРИЙ

Шарль Бёле

**Суд над цезарями. Первая
часть: Август, Тиберий**

«Издательские решения»

Бёле Ш.

Суд над цезарями. Первая часть: Август, Тиберий / Ш. Бёле —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-656986-7

Четыре книги объединены общим названием, которое четко характеризует их: Суд над цезарями. В первой части 2 книги: Август, его семья и друзья; Тиберий и наследие Августа. Портреты, воссозданные Шарлем Эрнестом Бёле, — это прежде всего моральные этюды, и это уроки истории, которые автор старался в них выделить.

ISBN 978-5-00-656986-7

© Бёле Ш.
© Издательские решения

Содержание

О авторе	6
О книге	7
Книга 1. Август, его семья и друзья	8
Предисловие	8
I. Август и его век	9
II. – Август в своем доме	21
III. – Ливия и молодые цезари	29
IV. Юлия и ее отец	39
Конец ознакомительного фрагмента.	43

Суд над цезарями

Первая часть: Август, Тиберий

Шарль Бёле

Переводчик Валерий Алексеевич Антонов

© Шарль Бёле, 2025

© Валерий Алексеевич Антонов, перевод, 2025

ISBN 978-5-0065-6986-7 (т. 1)

ISBN 978-5-0065-6987-4

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

О авторе

Шарль Эрнест Бёле (29 июня 1826 года, Сомюр – 4 апреля 1874 года, Париж) – французский археолог и государственный деятель.

Родился в Сомюре, получил образование в Нормальной школе. В 1849 году был послан в Афины, где занялся продолжением раскопок Акрополя и сделал открытия, обратившие на него внимание в учёном мире. Вскоре был отозван в Париж и назначен профессором археологии в Национальную школу хартий.

В 1860 году Бёле был избран в Академию надписей и изящной словесности, а в 1862 году стал постоянным секретарём Академии изящных искусств.

Политическая карьера Бёле началась с 1871 года; избранный от департамента Мен и Луара в национальное собрание, он примкнул к правому центру. Когда в 1873 году Мак-Магон был избран президентом республики, Бёле стал министром внутренних дел, но уже спустя 6 месяцев должен был передать свой портфель герцогу де Брозьи.

Оскорблённое самолюбие и неудачная игра на бирже так повлияли на Бёле, что он наложил на себя руки; 4 апреля 1874 года его нашли в постели мёртвым. Похоронен на кладбище Пер-Лашез (участок 4).

О книге

Четыре книги объединены общим названием, которое четко характеризует их: Суд над цезарями.

Таким образом, работа, состоит из четырех книг.

Первая часть: Август, его семья и друзья; Тиберий и наследие Августа; Вторая часть: Кровь Германика; Тит и его династия. Портреты, воссозданные Шарлем Эрнестом Бюлею, – это прежде всего моральные этюды, и это уроки истории, которые автор старался в них выделить.

Книга 1. Август, его семья и друзья

Предисловие

Я предлагаю публике не книгу, а серию бесед, которые были записаны стенографически и которые меня попросили собрать. Я оставляю им их первоначальную форму, которая постоянно будет напоминать читателю о моих правах на его снисхождение; справедливо, в самом деле, предоставить некоторые вольности импровизации и думать, что сама быстрота выражения, если она иногда служит идеям, может часто им вредить. Я прошу историков и критиков не применять ко мне свои точные инструменты, но прислушаться к голосу своего собственного сердца. Портреты, которые я воссоздаю, – это прежде всего моральные этюды, и это уроки истории, которые я стараюсь в них выделить. Твердые совести найдут в них некоторое утешение, колеблющиеся – спасительные просветления, ибо поэты, льстецы, ложные законоведы всех времен сделали из Августа тип, который может только огорчать думающих, оправдывать льстецов и обманывать тех, кто правит.

Я посвящаю эти страницы моим слушателям в Императорской библиотеке: они уже принадлежали им, но это посвящение позволяет мне публично поблагодарить их за симпатию, которую они мне оказывали в течение четырнадцати лет, и за силу, которую они мне давали. Возможно, я иногда помогал им восхищаться тем, что прекрасно; взамен они всегда учили меня любить и хвалить только то, что хорошо, ибо уважение, которое внушает публика, является для оратора источником вдохновения и, так сказать, непогрешимым правилом.

І. Август и его век

В конце Римской республики молодой человек по имени Октавиан начал свою историческую карьеру так, как Нерон ее закончил. Во время гражданских войн, сурового испытания для молодежи, он проявил раннюю решительность и жестокость. У него полностью отсутствовали угрызения совести и мораль, что удобно во всех политических позициях, особенно в те времена, когда партии сражаются друг с другом с оружием в руках. Чтобы прикрыть свое поведение видимостью справедливости, он выдвигал предлогом месть за убийц Цезаря; это был лишь плащ, под которым скрывались его собственные обиды; преступления, которые он совершал, имели единственной целью расчистить путь перед собой. Впрочем, он был столь же склонен проливать кровь, сколь и получал удовольствие от ее вида. Эти игры в цирке, которые этруски передали римлянам, развили в них жестокость, которая никогда не исчезала и которую постоянно поддерживали бои гладиаторов. Октавиан с удовольствием наблюдал за казнями, которые он приказывал; он заставил сына сражаться против отца; говорят, он сам вырвал глаза несчастному, которого считал вооруженным против себя. Мне нет нужды напоминать вам имена его жертв; целые города, такие как Перуджа, были почти обезлюдены; даже его наставник не был пощажен, и Цицерон, его первый покровитель, был им брошен, если не сказать убит.

Более того, он был развратен; он заходил так далеко в своих позорных деяниях, что его друзья даже не пытались его оправдывать. Они находили единственное оправдание его поведению в том, что он стремился проникнуть в секреты могущественных семей и создать связи даже среди своих врагов.

Не имея другого руководства, кроме собственного честолюбия, он предавал все партии одну за другой: сначала сенат, чтобы стать народным трибуном, затем народ, чтобы быть назначенным пропретором сенатом, и, наконец, снова сенат, когда он заручился печальной поддержкой ветеранов Цезаря.

История сохранила для нас свирепый облик триумвира Октавиана. Вы также помните смерть главных друзей Катона, которые приветствовали Антония как генерала, но имели лишь кровавые насмешки для Октавиана-палача. Это было имя, которое Меценат, его лучший друг, однажды бросил ему в лицо.

Таковы были его молодые годы. И вдруг происходит мгновенная перемена.

Кровь лилась рекой. Другие триумвиры умерли, власть была завоевана: появляется новый человек. Куколка разрывает свою оболочку; из нее выходит бабочка. Август предстает перед потомством во всем своем великолепии; ослепленное таким блеском, потомство его оправдывает.

Признаюсь, господа, что для умов, желающих изучать ход человеческих дел, не подчиняясь предрассудкам, осужденным моралью, это внезапное изменение представляет затруднение. Ибо, нельзя отрицать, Август провозглашен одним из благодетелей человечества. Его имя стало символом милосердия. Этот человек, чьи руки были в крови, стал образцом великодушия. Корнель сделал его героем одной из своих трагедий, и величайшая похвала, которую можно адресовать живому или умершему правителю, – это попытка сравнить его с Августом. За этой похвалой больше ничего нет. Надо полагать, что Нерон был очень неуклюж, начав с добродетели и закончив преступлением. Достаточно было бы перевернуть хронологический порядок этих двух частей его жизни, чтобы Нерон тоже стал благодетелем человечества.

Во все времена люди имели склонность к низости, и сама история полна компромиссов с теми, кто потрудился ее обмануть. Когда дело было решено столькими голосами и столькими веками, едва ли осмеливаются его пересматривать. Но в конце концов, что лежит в основе этого суждения? Это то, что добро, сделанное Августом, заставило забыть зло, совершенное Октавианом; это то, что благодеяния конца его жизни стерли преступления начала; одним сло-

вом, это великая политическая доктрина, неустанно повторяемая: цель оправдывает средства. Эта империя, завоеванная и правыми и неправыми путями, станет священной, августейшей, угодной богам, только потому, что после множества зла будет сделано много добра.

Трудно подчиниться, даже перед лицом бесчисленных свидетельств, которые закрепили общественное мнение об Августе. Со своей стороны, я не подчиняюсь, я, напротив, возмущаюсь, и, прежде чем войти в этот век, где я буду последовательно восхвалять то, что заслуживает похвалы, я чувствую необходимость сделать протест совести. Я боюсь, когда буду говорить вам обо всех прекрасных памятниках, построенных в Риме в ту эпоху, что могу показаться восхваляющим Августа безоговорочно; поэтому я попрошу у вас разрешения заранее высказаться об этом персонаже, столь умеренном в конце своей жизни и столь злодейском в начале.

На чем держится эта популярность Августа? При жизни – на его умелой политике, а сразу после смерти – на своего рода всеобщем возгласе, который раздался в Риме; ведь уже на следующий день сенат пожелал назвать «эпохой Августа» период его правления. Преемники Августа сделали его еще более дорогим для памяти народа: одни – своим уважением к нему, другие – своими преступлениями. Христиане также способствовали созданию этого ореола; Христос родился при Августе, и великая империя, основанная его руками, была необходима христианству для обращения мира. Варвары, в свою очередь, восхищались, разрушая Римскую империю; византийские и средневековые императоры, Карл Великий и германские императоры искали в Августе образец для подражания. Возрождение возобновило восхваление того, кого Вергилий сделал бессмертным, а позже подданные Людовика XIV соревновались в воспевании его славы. Одним словом, кажется, что все человечество, устами своих величайших гениев, договорилось сделать Августа образцом того, что есть самого совершенного на земле в плане властвования, милосердия и умеренности. Достаточно того, что Август простил Цинну (хотя этот факт оспаривается), чтобы стать самым милосердным из людей, несмотря на то, что он пролил столько крови.

Прежде чем мы вместе рассмотрим историю искусства, давайте сначала, господа, посмотрим, насколько Август имел право дать свое имя своей эпохе. Прежде чем исследовать, был ли он инициатором прогресса в искусстве и совершенства в литературе в век, предшествовавший и последовавший за рождением Христа, подведем итог его делу, обсудим его права на восхищение потомков. Бросим быстрый взгляд на четыре грани, которые, подобно древнему Янусу, представляет нам личность Августа. Действительно, его можно рассматривать с четырех точек зрения: как частное лицо, как общественного деятеля, как администратора и, наконец, как покровителя искусств и литературы.

Предстает ли Август, став императором, как частное лицо, с той сверхчеловеческой фигурой, которую имеют великие люди античности? Является ли он Периклом? Александром? Одним из тех, кто носит на челе уважение и любовь человечества? Видим ли мы в нем блеск величия души, любовь к свободе или благородное служение родине? Является ли он одним из тех характеров, которых мы называем в высшей степени античными? Нет. Его жизнь легко узнать; нам достаточно в этом вопросе обратиться к его собственным согражданам. Даже на троне он оставался самым искусным эгоистом, лицемером, который никогда не думал ни о ком, кроме себя. С того дня, как его амбиции были удовлетворены, как он достиг всего, о чем может мечтать человек, найдя перед собой весь мир, склонившийся, как лес тростника, ему оставалось только практиковать умеренность и давать себе то удовлетворение, которое называют душевным спокойствием. Но он все же остается сложным человеком, человеком, владеющим собой, который, управляя другими, осторожно управляет собой. Когда он прощает Цинну, он лишь уступает мольбам Ливии, настойчивости женщины, наделенной редкой хитростью и способной на величие души. То, что позволяет судить о том, насколько он был недоверчив к самому себе в частной жизни, – это то, что, когда ему нужно было сообщить что-то важное Ливии, которая была для него как настоящий государственный совет, он сначала

писал. Он заранее записывал то, что хотел сказать, чтобы его мысли не увлекли его дальше, чем он хотел. Таким образом, в частной жизни он оставался тем же, кем был в сенате, притворяясь бескорыстным, делая вид, что хочет отказаться от власти в тот самый момент, когда он больше всего за нее держался. Вся его жизнь сводится к этим словам, которые он произнес в день своей смерти: «Хорошо ли сыграна комедия? Аплодируйте!» Он умирает как актер.

Искусство, поощряемое блеском наград и сдерживаемое самой абсолютной властью, может, в свою очередь, увековечить образ Августа и сделать его одним из образцов римской скульптуры; но, что бы оно ни делало, оно никогда не сможет придать этому лицу характер величия, искренности, отпечаток, который выдает душу truly великого человека, которому нечего скрывать и который заставляет человечество склоняться не перед ним, а перед его добротой или гением. Не будем искать этого в Августе. Он станет типом в искусстве; потому что художник обессмертил его, но в реальности истории он всегда будет лишь актером. Он сам это сказал, и эти слова остались в истории и в памяти потомков.

Если мы хотим получить точное представление об Августе, нужно обращаться не столько к писателям, которые его восхваляли, сколько к художникам, которые его также приукрашивали, но которые его копировали. Нужно четко различать в скульптуре эпохи Августа двойное влияние греческого и этруско-римского искусства. Греческое искусство, изображая правителей, приближает их к идеальному, героическому или божественному типу. Римское искусство стремится к точности, сходству, выразительности, как в природе. Греческое искусство в императорских статуях создает и располагает пропорции, позы, атрибуты, одежду – словом, все, что не является лицом. Римское искусство, привыкшее отливать в воске лица предков и хранить их в атриуме, требует, чтобы маска была точной, и доводит правдивость до жесткости. Отсюда довольно странное сочетание, которое может объяснить большинство статуй императоров. Их тела условны, их черты индивидуальны; идеал Августа не избежал этого общего правила. Известно, что он был невысоким, с хрупким здоровьем, немного сутулым, иногда хромот, его ноги были обернуты четырьмя слоями шерсти: его статуи изображают его высоким, с величественными пропорциями, с героическим жестом; но его голова имеет такой характер индивидуальности, что нельзя сомневаться, что художники подчинялись тирании римских привычек, точно передавая красоты и недостатки оригинала.

Самым достоверным изображением Августа для нас, несомненно, является статуя, найденная четыре года назад в Прима-Порта, в семи милях от Рима, на вилле Ливии. Ливия, которая после его смерти стала его жрицей, очевидно, заказала самому искусному художнику того времени статую, столь же похожую, сколь и прекрасную.

Действительно, общий вид статуи восхитителен; поза – это поза бога, который правит и повелевает. Панцирь покрыт рельефными украшениями, достойными камеи. Но голова привлекает все внимание, потому что именно здесь чувствуется настоящая энергия персонажа, историческая правда и произвольные проявления души, привыкшей скрывать себя.

Первое, что бросается в глаза, – это выступающие скулы; они подчеркнуты до жесткости. Челюсть выражает напряжение и упорство. Лоб передает спокойную и настойчивую волю, привычку к личным идеям больше, чем к возвышенным. Глаза тусклые; вместо того чтобы выражать, они отталкивают; в них нет ни мягкости, ни того покрова serenity, который так мастерски находила античная скульптура. Рот твердый, сжатый, непреклонный. Сколько секретов он сумел сохранить! Сколько хитрости в нем скрыто! Какая осторожность и сдержанность! Это больше, чем рот Макиавелли, это рот человека, который заранее записывал то, что хотел сказать Ливии, своему советнику и сообщнице, боясь, что в пылу интимной беседы он скажет слишком много или слишком мало. Его волосы короткие и спускаются до затылка, что было признаком рода Юлиев. Шея... но здесь уже греческое искусство берет свое, потому что шея имеет прекрасные пропорции, хотя мы знаем по бесчисленным монетам, что она была непомерно длинной.

Нижняя часть лица заслуживает особого внимания: она выражает распущенность, в ней есть что-то материальное, она не лишена некоторой низости. Понятно, почему Ливия считала благоразумным закрывать глаза на его измены, иногда даже способствовала им, и почему ни одна римлянка не была защищена от оскорблений императора: ведь достаточно было, чтобы раб с императорскими носилками появился у дверей самого знатного человека в Риме, и тот считал себя обязанным, лишь вспомнив о триумвире Октавии, позволить своей жене сесть в эти носилки и отправиться во дворец.

Весь облик лица выражает всё то, что описывали современники: жестокость и лицемерие, страсть и хитрость, сосредоточенность и плохо сдерживаемый пыл, который иногда вырывался ужасными вспышками гнева; это властелин мира, который старается быть властелином самого себя, но не всегда в этом преуспевает.

Прирождённая свирепость того, кто приказывал проводить проскрипции, оставила свой вечный след: вот он, Август, который однажды, в мирное время, заседа в суде по уголовным делам, забывался или, скорее, проявлял свою истинную суть, выносил смертные приговоры и разгорячался, как тигр, учуявший кровь. Именно тогда Меценат, находясь в толпе, не смог сдержать своего негодования и бросил ему свои таблички, на которых только что написал эти слова: «Встань наконец, палач!» Ах, господа, какое откровение! Какой луч света, который ни поэзия, ни льстецы никогда не смогут затмить! «Встань наконец, палач, ибо мы знаем тебя, мы видим сквозь твою маску, мы не обманываемся ни твоей показной милостью к Цинне, ни великолепными стихами Корнелия, ни общими местами, которыми питается потомство, ни твоими пагубными добродетелями, ни твоей узурпированной репутацией, ни этой огромной поэтической выдумкой, которую самые красноречивые писатели твоего покорённого века создали вокруг тебя!» Меценат, доверенное лицо всей твоей жизни, предал тебя этими четырьмя словами, и любимый художник, которому Ливия заказала твой портрет, также предал тебя, стремясь проникнуть в твою душу через черты лица.

Я перехожу к общественному деятелю. Это великий процесс, который каждое поколение судило по очереди, но который невозможно решить в пользу Августа, если держать в руках весы, на чашах которых только справедливость и истина.

Говорят, что Август в своей общественной жизни, в своих отношениях с государством, был благодетелем. Однако, когда изучаешь события день за днём, понимаешь, что он был весьма виновен перед своей родиной, что он нарушил все свои клятвы, предал самые благородные интересы, которые были ему доверены, и прежде всего свободу и достоинство римского народа. Никто не оспаривает этого, возражают; но он сделал это лишь для того, чтобы спасти общество, которое разлагалось. Основав империю, он сохранил римскому государству жизнь, которая ускользала; он установил, введя принцип наследственности, единственную прочную основу, на которой можно было бы построить правительство. Огромная мощь римлян, раздираемая фракциями, была сохранена им; он был спасителем не только Рима, но и всего мира.

Признаюсь, я вовсе не убеждён. Он спас Рим, говорят; но разве Рим был так уж угрожаем в тот момент, когда консулы только что подчинили ему все провинции Европы и Дальнего Востока? С каких пор спасением называют систему, которая устанавливает власть одного, уничтожает народ и делает его зависимым от единственной воли? И эта процветание, которое, как говорят, он продлил на четыре века, не утешило даже двух поколений! Едва ли оно длилось одно правление, ибо на следующий день после смерти Августа начинается череда эфемерных тиранов и узурпаторов, которые свергают друг друга. Сначала Тиберий, Калигула, Нерон; затем, после нескольких проигранных или выигранных битв, мы видим появление и исчезновение теней – Гальба, Отон, Вителлий; Веспасиан и Тит прерывают эту длинную череду беспорядков, но их преемником становится чудовище – Домициан. После неспособных императоров, которые подрывают финансы и судьбы римского народа, появляются несколько хороших правителей, как Антонины, но вскоре – Коммод, Каракалла, Гелиогабал. Одним словом, исто-

рия империи – это лишь череда позорных падений, прерываемых тщетными попытками подняться.

В это время римская администрация, дисциплина армий, целостность провинций постоянно находятся под угрозой и близки к гибели. Следовательно, чего стоит этот прекрасный принцип наследственности, когда выборы осуществляются армиями и часто зависят от варваров? Каждый генерал в Галлии, Британии, Сирии, Африке – кандидат на империю; гражданские войны не прекращаются. Разве это принцип, когда сила оружия заменяет право граждан и подменяет их выбор своим? Разве это устойчивый режим правления, когда насильственная смена тиранов, которые по очереди атакуют друг друга и ищут в битвах и резне лишь путь к трону?

Наследственность, эта химера и благодеяние Августа, не сохранилась даже для его детей и внуков. Они все умерли до того, как смогли наследовать ему, а человек, который его заменил, – это тот, кому он доверял меньше всего, Тиберий, который не был ему родственником по крови, которого он ненавидел и который был лишь сыном первого мужа Ливии.

Повторяю, господа, это не принцип правления, который Август ввёл силой; и если бы можно было пройти сквозь века и вызвать некоторых членов семейства Сципионов, Марцеллов, Катонов, если бы предположить, что эти великие умы оказались на месте Августа на следующий день после гражданских войн, когда кровь лилась по всему миру и своего рода усталость притупила лихорадку, охватившую римский народ, то можно задаться вопросом, повели бы они себя так же, как Август. Разве в тот момент бескорыстный ум, любящий общественное благо и величие Рима, не мог бы сказать себе, что возможно восстановить мир в этой республике, которая нуждалась в том, чтобы собраться с силами, не отдавая её в руки одного господина, а лишь используя власть на короткий срок?

Допустите, господа, что Август принял бы, как он это сделал, диктатуру или более мирную власть – народный трибунат, который делал его неприкосновенным, или консульство, которое давало ему командование армиями; допустите даже, что он собрал бы все власти в одних руках, назвав это, как древние римляне, диктатурой: разве он не мог бы, если бы захотел, восстановить республику, сделать её сильнее, уважаемой, более сплочённой, чем когда-либо? Разве это была бы такая сложная роль? Разве ему пришлось бы делать что-то иное, чем то, что он делал для установления империи? Это был бы абсолютно тот же самый труд; только он бы сохранял власть на десять лет, а затем передал бы её в руки сената, не с той лицемерной уловкой, которую он продемонстрировал, а с серьёзной, твёрдой, непоколебимой волей отказаться от неё, сопроводив этот великий акт бескорыстия одной из тех речей, которые он умел произносить, чтобы успокоить народ насчёт искренности своего отречения. Уже видели, как Сулла сложил власть, а Цезарь был убит за то, что протянул руку к царской короне. Если бы Август, в свою очередь, передал власть, обеспечив избрание преемника в своём присутствии, который бы затем избрал другого, и таким образом подготовил бы непрерывную череду лидеров, выбранных республикой, я думаю, он сыграл бы великую роль и основал бы нечто более долговечное, чем то, что он создал. Эта роль подошла бы великодушной душе. Возможно, это было бы смело, но я убеждён, что если бы Август попытался это сделать, он продлил бы республику не на четыре века, а на десять. Я уверен, что это великое единство мира могло бы найти в себе элементы долговечности; что римский сенат, который был испорчен при Цезаре, мог бы быть очищен; что сословие всадников, которое можно было бы расширить, как это, впрочем, сделал Август, могло бы предоставить всем амбициям широкое поле и дать отличных администраторов, и что, наконец, народ, допущенный к серьёзным выборам в комициях и не вынужденный голосовать за навязанных кандидатов, мог бы свободно осуществлять свои права, предоставив при этом значительную долю латинским народам и провинциям, которые протестовали против насилия и вымогательств проконсулов и пропреторов.

Здесь предстояло совершить великие дела, сыграть благородную роль, не ради личной выгоды, но на благо общественного дела; этого можно было достичь с помощью того живого и сурового чувства, которое называлось *par excellence* римским чувством. Христианство, вместо того чтобы быть объектом подозрений, как это было при императорах, стало бы союзником республики и распространило бы среди бедных и отчаявшихся граждан принципы милосердия, любви, мягкости и послушания, которые древний римский народ никогда не знал.

Признаю, на расстоянии весьма трудно решить подобную проблему; но, несомненно, тот, кто попытался бы решить её в том направлении, которое мы указали, даже если бы потерпел неудачу, заслужил бы имя великого. Что касается Августа, он не заслуживает этого имени, поскольку сделал как раз обратное. Он думал только о себе и истощил жизненные силы государства ради собственной выгоды. – Сенат, где было столько славных имён, традиций, генералов и политиков, он лишил силы, превратил его в соучастника своих комедий, в льстеца без уважения, в угодника без стыда, он навязал ему закрытые заседания; ведь именно с Августа акты сената перестали публиковаться. – Римские юристы, ставшие классом, преданным императору, будут служить для проведения несправедливых процессов, оправдания незаконных, осуждения всех, кого хотели устранить; они создадут такие юридические сложности, которые сделают судебную процедуру опасной для граждан. – Армия, которая была силой страны, состоявшая из земледельцев, граждан, берущих оружие для защиты родины, станет императорской солдатнёй. Ветераны Цезаря были отозваны; они были распределены вместе с ветеранами Августа по двадцати восьми колониям и, можно сказать, превратились в постоянную угрозу на службе у господина. – Государственные должности умножились до бесконечности и образовали в руках императора как бы сеть связей, распространяющихся ради его власти на все части империи. Народ ощутит на себе это пагубное влияние. Вместо того чтобы возвысить его, все усилия императора будут направлены на его унижение. Как и господин, народ тоже будет вынужден играть комедию и приходить на комиции, чтобы голосовать с видимостью свободы; он станет народом, оторванным от своих обязанностей, ожидающим своего благополучия только от императора, озабоченным лишь играми, которые ему устраивают, и беспокоящимся главным образом о том, приходит ли хлеб из Сицилии или Африки.

И вот! Всё это стёрто, забыто, прощено. Все эти великие политические интересы, вы видите, как самые серьёзные умы отодвигают их в сторону и говорят: это было необходимо! Нужно было создать римское величие! И вам представляют Августа как администратора.

Вам говорят: нужно было сплавить все эти разнородные элементы, нужно было сломать и переделать форму, ставшую слишком тесной для мира, нужно было, чтобы республиканские формы исчезли, нужно было пожертвовать всеми политическими партиями, чтобы создать эту администрацию, которая стала образцом для человечества и к которой мы стремимся как к идеалу. Римская администрация империи действительно стала своего рода идеалом, к которому всегда обращаются взоры.

Правда, с точки зрения администрации при Августе было сделано много прекрасного. Весь мир жаловался; завоевание принесло много страданий, и сенат не всегда мог удовлетворить требования покорённых народов. Однако на расстоянии очень трудно судить о этих незаметных нитях администрации. Вы видите даже у нас, когда мы хотим одним взглядом охватить всё, что происходит в администрации, с каким трудом мы понимаем многочисленные механизмы, которые её составляют. Что же говорить о таком большом расстоянии, когда мы хотим вернуться к последним временам республики? Кажется, однако, что в искусстве управления народами эта римская республика не была так неспособна, как это часто говорят; что этот сенат, который завоевал столько королевств, подчинил их своей власти, сделал столько народов данниками римлян, что этот сенат, говорю я, который распространил римское имя до пределов известного мира, действительно обладал административной силой; что этот орден всадников действительно имел некоторое знание и талант в делах, и что в конечном итоге все провин-

ции, все страны, которые в течение трёх веков Рим держал под своей властью, не были так плохо управляемы. Что были злоупотребления, что проконсулы, жаждущие богатств, склонные к беззаконию, что, например, Верресы иногда самым вопиющим образом нарушали правила этой администрации, я не отрицаю; но это было исключением, и невозможно допустить, чтобы народ, столь малочисленный, как римский, мог захватить известный мир и удерживать его в своей власти, не обладая существенными административными качествами. Кроме того, будьте уверены, если бы не было уже готового каркаса, составлявшего администрацию, Август ничего бы не сделал. Я готов признать в нём регулятора, человека порядка, который сумел установить удивительное единство, но я также не забываю, что ничего не было бы возможно без республики, которая всё основала, всё развила, и что всемогущество, сосредоточенное в руках одного человека, не может объяснить это величие.

Что Август своим умением значительно развил то, что я называю политической подушкой, это мягкое, лёгкое, приятное чувство, которое избавляет граждан от забот о своих делах, которое в дни кризиса и опасности, когда нужно показать, что у тебя есть сердце, избавляет их от необходимой энергии для сопротивления; что он сказал им: живите спокойно, вот хлеб, вот игры, мир обеспечен, храм Януса закрыт; всё это очень хорошо, это сон под манцинелловым деревом. Но вы также знаете, что Рим и провинции видели, как возникали скандальные состояния, особенно среди друзей принцепса. Мы находим свидетельство этого даже у поклонников Августа; в своих «Сатирах» Гораций намекает на это совершенно прозрачно.

Распространить таким образом на империю сеть преданных чиновников, отлить всё в одну форму, подчинить всё одной руке – является ли это условием долговечного величия? На это ответят последующие века и немедленный упадок этого искусственного колосса, называемого империей. Возможно, господа, в этих тонких вопросах я не обладаю достаточным авторитетом в ваших глазах. Поэтому я обращаюсь к мнению выдающегося ума, который жил при монархии и прекрасно судил о римлянах. Послушайте Монтескьё; он предоставит нам заключение по этому вопросу:

«Август, хитрый тиран, привел римлян к рабству. Не исключено, что те вещи, которые его более всего обесчестили, были теми, что лучше всего ему служили. Если бы он сначала показал себя великодушным, все бы ему не доверяли. Он установил порядок, то есть долговечное рабство, ибо в свободном государстве, где хотят узурпировать власть, называют правилом всё, что может основать безграничную власть, и называют беспорядком, раздором, плохим управлением всё, что может поддерживать честную свободу подданных».

Я перехожу к четвертому пункту: Август как покровитель литературы и искусств.

Здесь, господа, он предстает в величественном свете; здесь он обеспечил себе уникальное преимущество, ибо заметьте, что именно поэты, литераторы и художники более, чем кто-либо, я осмелюсь сказать, что именно они одни создали для потомков этот фантастический образ Августа, выдумали эту химеру абсолютной и обожествленной власти, перед которой восемнадцать веков преклоняли колени.

Именно потому, что Август покровительствовал литературе и искусству, вокруг него поднялся хор красноречивых и поэтических голосов, и умелые руки воспроизводили его в мраморе и бронзе как образец красоты; именно благодаря этому окружению гениев, талантов и умов он навязал последующим векам память о своем имени; ибо произведения, которые он не вдохновлял, но в которых сумел занять место, обрели бессмертие.

Не уклоняясь от того, что кажется справедливым, необходимо, однако, оглянуться назад и быть справедливым к временам, которые предшествовали. Я не хочу отказывать в похвале Августу как покровителю искусств и литературы, но при условии, что справедливость будет отдана и предшествующим эпохам. Нельзя не признать всё величие, оригинальность, смелые замыслы в искусстве последних веков республики. Нельзя забывать, как этрусское чувство сумело подчиниться латинскому искусству, и как само греческое искусство, хотя и вводилось

как победитель, должно было подчиниться этому тайному влиянию величия, которым обладал Рим. Необходимо помнить, что все типы архитектуры были найдены еще при республике. При империи их можно было развить, придать им больше пышности, использовать более красивые материалы, искать размеры, которые бы больше впечатляли воображение и чувства; но изобретение, величие, всё, что было действительно римским, восходит к последним векам республики.

Был ли у Августа вкус к литературе? Да, он был, как и у всех римлян того времени. Среди его современников не было молодого римлянина, который бы не увлекался греческой литературой, не имел бы учителей, выбранных среди самых образованных людей покоренных народов, который бы не побывал в Афинах и Малой Азии, и, наконец, который бы не воспитывался с такой заботой, которую сегодня даже трудно представить.

Август не только серьезно любил литературу, но и занимался ею. Он писал стихи; он писал весьма вольные стихи. Это единственные, что до нас дошли. Их передал нам Марциал, и никто не осмелится их перевести. Он написал трагедию об Аяксе. Это было довольно посредственное произведение, судя по всему, поскольку однажды он стер его губкой. По этому поводу он сказал своим льстецам: «Аякс больше не существует, моя губка его убила». Он написал поэму о Сицилии, сочинял речи, писал письма, одни – оскорбительные, которые он адресовал Антонию до того, как стал его сообщником, другие – льстивые, которые он адресовал Цицерону до того, как позволил его убить.

Самое возвышенное в его произведениях – это его политические речи, которые, к сожалению, не сохранились, и это знаменитое завещание, которое является рассказом о всей его жизни и самых важных деяниях его правления. Только там можно судить о простоте и возвышенности его стиля. Когда находишься в определенных сферах и говоришь свысока, стиль естественно принимает отпечаток положения, в котором находишься.

Что касается искусств, он любил их, как и великие люди республики. Он сам не занимался ими, но, как и персонажи того времени, всеми способами добывал шедевры Греции. Он привлекал греческих художников и спровоцировал, если не школу, то по крайней мере уникальное производство произведений искусства.

Все эти поэты, которые пели вокруг него, неизбежно пели его хвалу. Гораций, бывший республиканец, старый товарищ Брута, не колеблясь присоединяет свой голос к голосам многих других льстецов и пишет стих, который обесчестит его в наших глазах, и в котором, чтобы заслужить прощение Августа за то, что сражался рядом с Брутом, он обвиняет себя в том, что бросил свой щит. Это была самая постыдная, но самая тонкая лесть. Вергилий, этот молодой землевладелец из окрестностей Мантуи, лишенный своих владений ветеранами Октавиана, выражает благодарность тому, кто вернул ему его имущество, после того как отнял его. Что сказать об Овидии, печальном любовнике Юлии? В общем, эти великие умы, которые могли бы поддерживать и распространять благородные идеи и возвышать народ, напоминая ему о его величии и прошлых подвигах, стали лишь угодливыми льстецами. Этот эпический поэм, в котором Вергилий рассказывает историю царского Рима, чтобы возвести род Августа к Энею и Венере, стал лишь вдохновением по приказу и лестью в адрес императора.

Однако в покровительстве литературе и искусству Август проявил себя мудро; то, что послужило его репутации и славе почти так же, как стихи, воспевающие его хвалу, – это выбор его друзей. Он не стал привлекать старых заговорщиков, подстрекателей гражданских войн или любовников Юлии, чтобы доверить им эту тонкую миссию – ласкать умы, привлекать, соблазнять, очаровывать их. Нет; он выбрал, например, Мецената, который остался образцом; ибо сегодня говорят «меценат», как говорят, со времен Мольера, «амфитрион». Это общий термин. Именно через Мецената поступали благодеяния к нуждающимся поэтам и вдохновение к благодарным поэтам. Август также выбрал для помощи себе человека, полного энергии, полезного как на войне, так и в мирное время, и чья деятельность ощущалась по всей империи, –

Агриппу, своего зятя. Тот руководил общественными работами и осуществил множество значительных проектов как в Риме, так и в провинциях. Это был достойный человек, заслуживший всеобщее сожаление. Такие умелые выборы облагораживали рабство, навязанное умам.

Труднее проследить и указать влияние Августа на знаменитых архитекторов или скульпторов того времени, потому что мы, можно сказать, не знаем никого, кроме Витрувия. Их имена не имели резонанса и не дошли до нас. Это значит, что их жизнь неизвестна, и мы ничего не знаем о том, какое влияние на их личные вдохновения могла оказать власть Августа или его министров. Но мы можем указать по крайней мере общие тенденции в каждой ветви искусства.

Архитектура станет величественной. Это уже не будет та архитектура республики, так хорошо соответствующая духу Рима. Всё примет огромные масштабы, станет пышным, греческим по форме, имперским по претензиям и характеру. Города преобразятся. Август будет хвастаться, что получил Рим кирпичным, а оставил его мраморным. Это правда. Август и Агриппа осуществили бесчисленные постройки в Риме, возможно, слишком много, ибо часто, когда мы ищем на известных местах следы памятников республики, мы их не находим. Будь то из-за того, что эти памятники стали недостаточными из-за своей скромности, или материалы казались недостойными имперской эпохи, или они вызывали неудобные воспоминания, при Августе обычно уничтожали постройки республики, чтобы воздвигнуть более красивые, богатые, обширные здания, но все они несли отпечаток имперской лапы. Всё, что относилось к республике, было обречено на исчезновение; храм Весты, который до сих пор стоит в Риме, был перестроен при империи. Почти все эти новые памятники будут напоминать о победах императора, величии Цезаря или благодеяниях государя в мирное время. Они будут носить имена различных членов его семьи, его жены, дочери, зятя. Вся династия сможет быть классифицирована по этим зданиям. Будут портики Октавии, бани Ливии, Пантеон Агриппы, театр Марцелла, базилика Цезаря, форум Августа и т. д. Везде будет доминировать личный характер. С другой стороны, публика также получит свою долю удовольствий. У нее будут укрытия от дождя, базилики для обсуждения частных и коммерческих дел, но не политики! У нее будут красивые форумы, их будет пять; их будет тем больше, чем меньше они будут служить свободе. Там будут разговаривать, гулять; но собираться и обсуждать общественные дела – редко. Будет множество бань и театров. А когда нужно будет голосовать, поскольку Марсово поле нездорово и сыро, будут предусмотрены укрытия, где можно будет голосовать, следуя за барьерами, как мы видим сегодня у входа в театры. Голосовать за кого? Какая разница? Главное – быть под укрытием.

Как бы то ни было, архитектура времен Августа, пропитанная греческим искусством, была очень красивой. Она была особенно благоприятна для удовольствий граждан. Так сформировалась та подушка, о которой я говорил ранее, подушка, на которой больше нет забот, но на которой одновременно теряется чувство политических обязанностей.

Что касается фонтанов, воздвигнутых или отреставрированных при правлении Августа, их бесчисленное множество; Рим будет затоплен. Их число превышает семьсот. Это лавина каскадов, акведуков, фонтанов, бассейнов. Воды будет достаточно для всех жизненных нужд. Эти воды оживят пейзаж, распространят повсюду прохладу и будут приятны римскому народу. Я радуюсь: Рим пользуется благами Августа, и это хорошо; но Рим долгие века обходился без всей этой воды; правда, тогда он не обходился бы без свободы.

Управление городом – это главная забота; она проявляется повсюду. Кроме того, как говорил Аристотель, который в своих рассуждениях о абсолютной власти проявляет проницательность, сравнимую с Макиавелли, и чьи идеи начали узнавать уже во времена Александра: узурпатор (греки были прямолинейны и называли его тираном) должен управлять городом так, как если бы это была его собственность. Именно это мы видели в Риме во времена Августа. Все изменилось. Марсово поле, которое в республиканскую эпоху было огромным гимнастическим полем, где молодежь, простая и сильная, занималась физическими упражнениями, а затем, покрытая потом, бросалась в воды Тибра; эта огромная равнина, которая была своего

рода школой силы, мужества и римского героизма, – Август, хотя и нуждавшийся в солдатах, но предпочитавший охранять границы и себя самого ветеранами, считал Марсово поле слишком большим и приложил усилия, чтобы заполнить его множеством построек. Часть, прилегающая к Тибру, огромная площадь, олицетворявшая столетия труда, покрывается приятными памятниками. Здесь есть рынки, где продавцы укрыты от непогоды, есть аллеи, посаженные деревьями, есть бани, есть огромный мавзолей императорской семьи с садами; одним словом, здесь создаются условия для удовольствий граждан, но под этим предлогом захватывается площадь, некогда посвященная общественной жизни и свободе.

Мы будем восхищаться архитектурой Августа в деталях, но не забудем, что в целом этот внешний блеск скрывает ловушки, расставленные для граждан.

Что касается скульптуры, это другое дело. Скульптуру можно назвать, по преимуществу, императорским искусством. Повсюду в памятниках той эпохи доминирует греческое чувство. Август страстно любил древнюю греческую скульптуру. Он ценил художников с острова Хиос, представителей школы Самоса, древних ионийских мастеров; он приказал вывезти из Греции и разместить на Палатине, хотя и не в своем собственном доме, работы их рук. Что касается художников, живших рядом с ним, судя по многочисленным памятникам, оставшимся от той эпохи, они, вероятно, провели часть своей жизни, соревнуясь в изображении черт различных членов императорской семьи. То, что можно найти в Риме и близлежащих виллах, указывает на значительное производство этих статуй и бюстов. В мраморах, изображающих Августа, если присмотреться, можно узнать руку мастеров, искусных в подражании природе; но в то же время заметно, что они стремились придать этим портретам величественное выражение. Это особенность греческого гения; греки никогда не могли удержаться от придания определенного идеального характера даже самым отвратительным тиранам.

Таким образом, искусство становится одновременно декоративным и личным. Но Август не хотел, чтобы только его черты воспроизводились резцом; он был щедр. Он с discernment выбирал нескольких знаменитых римлян среди умерших, чьи статуи он заказывал для украшения своего Форума, и сам составлял надписи, чтобы воздать им справедливость, как он это понимал.

Что касается персонажей, чьи гробницы находятся на Аппиевой дороге, а также статуй и бюстов, которые можно найти на этих гробницах вдоль римских дорог и которые являются портретами умерших, они относятся к второстепенному порядку. Очевидно, что художники, работавшие для второстепенных лиц, таких как вольноотпущенники или неизвестные женщины, не были теми же, кто создавал статуи для придворных.

Живопись также приобретает характер эпохи. Это уже не великая греческая живопись, творческая, героическая, вдохновенная, изображающая богов или сцены эпоса. Это в основном декоративная живопись, и вы знаете, до какой степени совершенства она дошла благодаря фрескам Помпеи, которые раскрывают, какой она должна была быть в столице мира.

Наконец, вспомогательные искусства, которые обычно приспособляются к вкусу правителей, расцветают при Августе. Искусство гравировки камеей, камней, печатей, на которых будут изображены либо портрет правителя, либо его предпочитаемый символ или знак, под которым он родился, будет доведено до высокого уровня греческими художниками, среди которых выделяются Солон и Диоскурид, любимые граверы Августа.

Что касается медалей, здесь особенно заметно совершенное понимание изображения темы. Здесь проявляется невероятный талант, не меньший, чем в искусстве гравировки камеей.

Август, придя к власти, нашел все элементы этой величественности, инициативу которой хотели приписать только ему. Он лишь продолжил то, что делали его предшественники. Он обобрал Грецию, вывез ее шедевры, привез греческих художников, и вся его слава заключалась в организации этого покровительства, которое сделало его эпоху известной как век Августа.

Однако, господа, давайте уточним, что мы понимаем под великим веком. Признаюсь, меня всегда ранит, когда в искусстве, как и в литературе, отсутствует мораль. Мне нравится находить, что красивое одновременно справедливо. Я хотел бы, чтобы великим и уважаемым всеми было только то, что честно. Поэтому я не могу примирить совершенство в произведениях духа или искусства с низкими заботами о рабелепии, интересе, лести, к которым добавляется жертвование свободой, что, как мне кажется, является необходимой вдохновляющей силой гения.

Когда я сравниваю века, оставившие имя в истории, я был бы испуган, если бы был вынужден признать, что какая-то низкая эпоха была более великой и плодотворной в литературе и искусстве, чем другая, где люди умели чтить справедливость, любить родину и защищать свободу. Некоторые умы склонны к противоположному: можно догадаться, по какой причине. Я пытался, господа, решить эту деликатную проблему; я хотел бы предложить вам что-то абсолютное: я предлагаю, по крайней мере, утешительные предложения, на которые я хотел бы обратить ваши собственные размышления.

Рассмотрите, например, века Перикла и Александра, эти два века, когда человеческий дух, нуждаясь в обобщении, берет одного человека как тип других: что вы там находите? В эпоху Перикла у нас есть все эти радости, все эти высшие умиротворения, которые возвышают человека над самим собой: любовь к великому и прекрасному в политике, уважение к свободе, истина, сияют повсюду. В эпоху Александра также есть настоящая величественность. Александр представляет не деспотизм, хотя он и захватил Грецию, но силу экспансии греческого гения. Это то, что он понесет до глубин Азии, до берегов Инда. Эта быстрая и короткая жизнь не успела создать рабство; при правлении Александра художники сохраняют своего рода независимость. Есть еще сильные вдохновения, создаются великие вещи, хотя характер художников уже немного склоняется к правителю.

До Августа, что мы находим? Этрусскую эпоху, которая, правда, мало известна, но которая была эпохой свободы. Этрусская народы образовывали федерацию. Это отдельная цивилизация, имеющая свой собственный характер, не смешиваемая ни с какой другой, зависящая только от себя и, следовательно, творческая. Этрусская народы творили лишь в определенной степени, но все же они творили.

В ту эпоху республики, которую прославили Сципионы и Катоны, искусство имело большой расцвет. Империя, во всем, что она сделала великого и прекрасного, лишь развивала, принимая ее принципы, все, что изобрело искусство республики.

Что представляет Август в искусстве? Творчество? Нет, но подражание. При нем подражают. Привозят греческое искусство таким, какое оно есть, уже уменьшенное; шедевры Греции наводняют Рим по приказу императора. Все, что делается в Риме, – это подражание. Гораций подражает греческим поэтам в своих одах и анакреонтических сочинениях; в своих «Эклогах», «Георгиках», «Энеиде» Вергилий подражает самым знаменитым греческим поэтам. Современники Августа – это в основном подражатели, большинство художников той эпохи провели свою жизнь, копируя шедевры Греции.

Если вы перейдете к итальянскому Возрождению, вот это было творческим. Оно в целом является одним из самых прекрасных творений человеческого гения. Но где произошло это творение? Под Львом X, в Риме? Нет, в республиках Пизы, Флоренции, Сиены, Венеции, Генуи. Там была колыбель Возрождения, а не в Риме, где оно было лишь импортировано. Если Лев X смог завладеть Рафаэлем, Микеланджело, Браманте, которые являются последними корифеями Возрождения, это было присвоение, сделанное в пользу Рима, который, будучи столицей христианства, стремился быть столицей искусств; но истинное происхождение Возрождения следует искать в республиках северной Италии. Только там было плодотворное творчество, и оттуда все художники отправились украшать Рим.

Таким образом, это зерно, которое я хотел бы посеять в ваших умах: свобода творит, деспотизм заставляет подражать. Вы разовьете, господа, своими размышлениями этот принцип и сделаете вывод, что в искусстве и литературе должна быть мораль.

Я знаю, что нельзя помешать поэтам и литераторам быть чувствительными к ласкам, поощрениям, наградам. Нельзя сделать их нечувствительными к приказам правителя. Следовательно, когда правитель энергично желает этого и располагает мощными средствами, он может поощрять, вдохновлять, истощать художника, или, скорее, мелкую монету художников. Но какой бы сильной ни была воля, есть что-то, что она никогда не сможет произвести: это оригинальное творчество поэтов, художников, как мы видим его при Перикле, в Афинах, и в эпоху Возрождения, в тех свободных республиках XV века. Даже этруски имели свое оригинальное развитие; они творцы. Римляне республики также были таковыми, гораздо больше, чем обычно думают: я показывал вам это, господа, в течение двух лет.

Эти эпохи истинной свободы являются эпохами истинного творчества. Именно тогда появляются типы, формы, которые будут подражать позже. Именно тогда проявляются идеи. Потом будут лишь риторические амплификации, более или менее точные воспроизведения, чтобы удовлетворить того или иного правителя; но именно к этим щедрым и чистым источникам нужно обращаться за вдохновением и образцами.

Времена рабства, когда один человек командует страной, могут быть яркими, блистательными, относительно плодотворными эпохами, которые навязываются человечеству, заставляют его вкушать и восхищаться; но они ярки лишь внешне, по форме, по дару подражания. Они не изобретают и не способны ничего создать. Может случайно появиться гений, который бросит луч, но это исключение.

Мы не можем слишком часто повторять, господа, великие эпохи для искусств и литературы являются и должны быть великими эпохами также для свободы.

II. – Август в своем доме

Я не могу не похвалить пример, поданный Августом, пример, который следовало бы предложить государям в предпочтение многим другим, когда я вижу, как он пытается вернуть гражданам простоту старых римских нравов, живя в скромном доме, довольствуясь необходимым, делая большие расходы на общественные памятники и малые – на частные нужды. В этой стороне жизни Августа, несомненно, есть настоящая мудрость, каковы бы ни были причины его поведения – будь то политический инстинкт, его вкусы или расчет. Лично я предпочитаю верить, что это было его сознательное решение, ведь мудрость, проистекающая из воли, более достойна уважения, чем инстинктивная осторожность. Таким образом, это был глава государства, который хотел вернуть управляемый им народ к определенной простоте, считая ее подходящей для поддержания духа послушания в римских нравах, а также для сохранения относительного величия римского народа, которое добавляло блеска его подчинению.

Светоний рассказывает нам о образе жизни Августа и дает некоторые подробности о его доме: он не выделялся ни размерами, ни украшениями; портики были небольшими, материалы – обычный альбанский камень; комнаты не были украшены мрамором или изысканными полами. Более сорока лет он занимал одну и ту же комнату, зимой и летом. Когда он хотел работать без свидетелей и не быть прерываемым, он удалялся в высокий павильон, который называл своей «Сиракузой», или же уезжал в пригород, к одному из своих вольноотпущенников. Когда он болел, он останавливался у Мецената. Он не любил просторные и роскошные жилища: он приказал снести дом, который его внучка Юлия построила с чрезмерной роскошью. Его собственный дом, хотя и небольшой, был украшен не статуями и картинами, а аллеями, рощами и диковинками, такими как кости гигантских чудовищ, найденные на Капри, и оружие древних героев.

Столы и кровати, которые сохранились до наших дней, показывают, насколько он был экономен в выборе мебели, которую большинство частных лиц сочло бы недостойной. Он спал только на низкой кровати, очень просто устроенной. Его одежда почти вся была сделана дома его женой, сестрой и внучками. Он носил обувь на небольшом каблуке, чтобы казаться выше. Он ел очень мало и простую пищу: хлеб второго сорта, мелкую рыбу, сыр, молоко, свежие фиги. Он писал в одном письме: «Нет ни одного еврея, который бы постился строже в субботу, чем я сегодня»; и в другом месте: «Я съел в своей повозке унцию хлеба и несколько изюминок»; или: «Я съел хлеб и финики в своей колеснице». Чтобы освежиться, он ел хлеб, смоченный в воде, кусочек арбуза, стебель салата или кислый фрукт.

На его теле были пятна, рассыпанные по груди и животу, как семь звезд Большой Медведицы. Различные кожные заболевания заставляли его часто тереться и злоупотреблять стригилем. Его левое бедро, бедро и нога были довольно слабыми; он даже иногда хромал. Время от времени у него немел и холодел палец, так что приходилось оборачивать его кусочком рога, чтобы писать. Он жаловался то на мочевой пузырь, то на закупорки в печени. У него были ежегодные и периодические недуги. Зимой он носил четыре туники под тяжелой тогой. Он поддерживал свое хрупкое здоровье большим вниманием. Он отказался от верховой езды и упражнений с оружием сразу после гражданских войн и довольствовался игрой в мяч и теннис; вскоре он только гулял в носилках или пешком.

Мы ясно видим этот скромный дом, но не стоит преувеличивать простоту архитектуры того времени. Это простота, которая несколько напоминает греческие дома. Безусловно, дома Помпей показались бы бесконечно простыми современникам Августа, а для нас, не так ли? Эти дома – очарование, восторг; нам кажется, что в них можно было бы вести самую поэтическую жизнь в мире, с этими колоннами, росписями, статуями, фонтанами с бьющими струями воды, этим солнцем, заливающим портики. В этой древней жизни, открытой нам через про-

винциальный муниципий, ничтожный по сравнению с Римом, есть целая мечта о поэтическом счастье, которое устроило бы и современных людей, даже любителей роскоши.

Дом Августа, который он не строил, а купил, несомненно, обладал этими чертами. Помните, что это был дом, современный введению греческого искусства в Италию, сочетающий в себе изящество и поэзию, которые греки приносили с собой повсюду. Это еще не было временем, когда в изобилии были драгоценные породы дерева, порфир, алебастр, восточные инкрустации, роскошная мебель и т. д. Но самым очаровательным было окружение, в котором находилось это жилище, его расположение на Палатине, что придавало ему дополнительную красоту – живописную красоту. Оттуда он наслаждался одним из самых прекрасных видов Рима. Палатин расположен в центре круга семи холмов: с места, где стоял дом Августа, с края Палатина, обращенного к Большому цирку, можно было увидеть Капитолий, Авентин с его садами и храмами, равнину с великолепными памятниками, которые римляне воздвигли вдоль Аппиевой дороги на расстоянии до девятнадцати миль, и, наконец, холмы по берегам Тибра.

Это место, столь благоприятное для наслаждения взора, с самого начала привлекало первых лиц Рима; даже существовали предания о названии Палатина. Говорили, что старый Эвандр впервые основал здесь свое жилище, и что его сын Паллант дал имя этому холму. Пять царей Рима жили на Палатине. Воспоминания о царской власти так прочно связывались с этим холмом, что когда лучший из граждан, Валерий Публикола, захотел построить там дом, ропот народа заставил его снести его. В первые века республики эта часть города имела дурную славу. Желание жить там для видных деятелей республики было равносильно подозрению в стремлении к царской власти. Потребовалось, чтобы пример подали демократические лидеры, которых подозрение не могло коснуться, поскольку они были выразителями народных страстей. Вопреки воле сената, Гракхи построили на Палатине; дурные воспоминания были изгнаны, как только там был поднят народный флаг. Вслед за ними туда пришли нувориши и богачи, чтобы строить свои дома. Так было со Скавром, чей дом славился в древности как образец богатства и изящества; так было с Цицероном, его соперником оратором Гортензией, Публием Клодием, который, возможно, хотел подражать Гракхам, но стал самым неприятным соседом для Цицерона. Вы знаете, что борьба между ними была долгой, что Цицерон был изгнан, что Клодий сжег его дом, и что великий оратор подвергался ежедневным притеснениям со стороны этого опасного соседа.

Дом, в котором жил Август, принадлежал оратору Гортензию. Сначала он жил в районе Палатина, в месте, называемом «Бычьи головы», вероятно, потому, что фриз какого-то соседнего здания был украшен изображениями бычьих черепов. Это был дом оратора Кальва, небольшой и неудачно расположенный, поскольку Октавии были бедны.

Август купил дом оратора Гортензия. Именно этот дом, который не был предназначен для императора, удовлетворил императора; но я снова добавлю, что то, что могло быть достаточным для знаменитого оратора, ценившего прекрасное, богатого, имевшего народы в качестве клиентов, осыпанного дарами, который пригласил греческих художников для украшения основных частей своего дома резьбой и скульптурами, то, что могло, повторяю, удовлетворить такого друга греческого искусства, как Гортензий, могло вполне подойти императору Августу с его вкусами и стремлением к простоте.

Рядом находились сады, которые не были очень обширными, но достаточными для строительства зданий. Август построил их. Храм занимал центр построек; вокруг храма располагались большие портики с четырех сторон; к этим портикам примыкали залы, составлявшие библиотеку.

Храм был посвящен Аполлону, особому Аполлону, которого Август назвал Палатинским.

Почему он предпочел Аполлона другим богам? Это был бог поэзии, искусств, муз; но это почитание началось гораздо раньше. В юности, среди кровавых развратов триумви-

рата, он устроил праздник, который шокировал римлян и напомнил о том, что сделал Алкивиад во время своих ночных оргий в Афинах. Он задумал вместе с одиннадцатью друзьями, такими же заговорщиками или подстрекателями гражданских войн, устроить тайный банкет, банкет двенадцати богов. Двенадцать друзей – и когда я говорю друзья, я не уточняю пол, так как двенадцать богов включали и богинь – появились в костюмах божеств. Это было святотатство, которое особенно оскорбило римлян, так как одной из великих церемоний Рима был праздник Лектистерниум. В дни победы или крайней опасности готовили пир, приносили с Капитолия статуи двенадцати великих богов и богинь, торжественно переносили их и укладывали на ложе, где им предлагали пир.

Август, человек, который позже стал таким сдержанным, который в старости питался финиками и инжиром, нашел забавным пародировать в оргии этот банкет двенадцати богов. Будь то из-за его красоты или семейных причин, он надел костюм Аполлона и, между Латоной и Дианой, восседал как бог света. Эта вольность стала известна на следующий день, скандал был велик, и до нас дошли неоспоримые свидетельства общественного возмущения. Марк Антоний, который в то время еще не был союзником Октавиана, не упустил возможности раскрыть секрет, который он узнал одним из первых. Он написал стихи против этого святотатства, которые сохранил для нас Светоний. Стихи не очень хороши, ведь можно быть одновременно злым триумвиром и плохим поэтом. Но пока Антоний сочинял стихи, народ тоже не оставался в стороне, выражая свое негодование. В Остии не хватало зерна, и на стенах писали: «Неудивительно, что граждане умирают от голода, боги съели все зерно». Добавляли, что самым прожорливым из всех богов был Аполлон Палач. Примечательно, что очень рано народ дал Октавиану это имя, которое в конце жизни Мecenат бросил ему в лицо, когда старый император на суде хладнокровно приговаривал всех обвиняемых к смерти. Народ написал на стенах: «Apollo Tortor» (Аполлон Палач). Здесь была своего рода игра слов, связанная с топографией Рима.

Действительно, как во многих городах есть улицы Шляпников, Седельников, так и в Риме была улица, где продавали кожи, ремни, плети, орудия пыток. Торговцы такого рода товарами были там многочисленны; вспомните, что гражданская война сделала эти инструменты очень востребованными. Кроме того, в больших домах Рима были частные тюрьмы для рабов, и хозяева собирали там всевозможные орудия пыток. На этой улице продавали кнуты, фасции, топоры ликторов, и, боже, как часто ликторы использовались во время проскрипций Октавиана и Антония! Поскольку в этом районе был небольшой храм, посвященный Аполлону, бог получил прозвище Палач.

Октавиан, надев костюм и атрибуты Аполлона, был сразу же сравнен народом с последним из Аполлонов Рима, Аполлоном Палачом.

Позже, после битвы при Акции, которая решила судьбу Римской империи и поставила ее к ногам Октавиана, мы знаем, что он посвятил свою победу Аполлону Акцийскому.

Будь то по этим причинам или по другим, неизвестным нам, Октавиан имел особое почитание Аполлона. Рядом с домом, который он купил, и на свободных землях он построил храм Аполлона Палатинского и окружил его портиками, которые должны были предшествовать библиотеке. Я пытаюсь дать вам понять, с помощью какого-то аналогичного плана, который мы могли бы видеть перед глазами, как выглядел храм Аполлона Палатинского и его величественное окружение. Представьте себе Пале-Рояль с его четырьмя рядами аркад, превращенных в портики, поддерживаемые колоннами с капителями вместо полукруглых арок; подумайте, что колонны имеют преимущество быть менее массивными, более изящными, пропускать солнце и свет и придавать что-то более монументальное. Вместо магазинов, которые находятся в Пале-Рояле, представьте более просторные здания, и у вас будут залы, как эти магазины под аркадами, залы, предназначенные для хранения рукописей, папирусов, коллекций ценных предметов, особенно резных камней. В центре Пале-Рояля представьте храм, параллель-

лограмм с его перистилем, и у вас будет храм Аполлона Палатинского, отделенный от четырех портиков, которые его окружают и образуют четыре стороны библиотеки. Здесь собирались образованные граждане, труженики и праздные умы, которые приходили либо послушать чтения, либо услышать, как поэты декламируют свои стихи, либо найти материалы в залах библиотеки, либо просто отдохнуть в беседе. Кроме того, в открытом пространстве, отделяющем храм от портиков библиотеки, стояла бронзовая статуя Аполлона. Это была не статуя из святилища, а отдельная колоссальная фигура, которая, по словам комментатора Горация, воспроизводила черты Августа.

Этот факт упоминается только малоизвестным комментатором, Акроном; поэтому есть основания сомневаться в его достоверности. Я считаю, что это было еще слишком рано. Во времена Нерона, когда умы уже привыкли к рабству, воздвигнуть колосс Нерона, уподобленного богу Солнца, покрытый золотом с головы до ног, высотой 110 футов, кажется естественным; но во времена Августа такое действие было бы преждевременным; в момент, когда он проявлял заботу о мыслящих людях Рима, ему было трудно уподобить себя богу, особенно в виде колосса, который является самой величественной формой. Статуя была высотой 15 метров, и древние говорили, что это был бронзовый литье из Этрурии; восхищались как красотой формы, так и совершенством работы. Одним словом, согласно этому свидетельству, казалось бы, что в век Августа этрусское искусство еще имело мастерские, оно продолжало практиковать свое искусство литья, так же как и греческое искусство, и было способно создать колосс высотой 15 метров.

Вот каким был весь этот памятник. Храм в центре; большое открытое пространство, роши, цветы, фонтаны; в одном углу – пьедестал и колоссальная статуя под открытым небом; вокруг этого пространства – четыре ряда портиков, образующих непрерывную ограду. Эти портики были лишь фасадом ряда смежных залов, имевших свои двери и выходы на портики, предназначенные для использования библиотекарями и публикой.

Колонны портиков были великолепны. Это были колонны из африканского мрамора, прекрасного мрамора с прожилками красного, фиолетового, черного цветов, невероятно богатого, образцы которого до сих пор можно увидеть в Риме, и несомненно, что в римских церквях многие облицовки сделаны из этих колонн с Палатина. Между каждой колонной из африканского мрамора стояла статуя. Эти статуи были привезены из Греции Августом, но мы не знаем, откуда именно он их взял. Они изображали пятьдесят Данаид; пятьдесят первой статуей был их отец, Данай. Их разместили между каждой колонной. Почему, господа? Не было ли здесь символического намерения? Эти Данаиды, пытающиеся наполнить свою бочку, которая всегда остается пустой, – не символ ли это науки, которая стремится насытиться, но никогда не достигает своей цели? Не символ ли это нашей памяти, которая постоянно черпает из библиотек, но упускает то, что извлекает?

Наконец, эта композиция портиков, окружающих храм, заимствована у построек Метелла Македонского; она поразила умы, так как была воспроизведена для храма Траяна. Этот храм, от которого прошлой зимой в Риме были обнаружены великолепные фрагменты, также был окружен портиками с трех сторон, а единственная открытая сторона выходила на базилику и на площадь колонны Траяна.

Библиотека была публичной. Поэтому не найдется недостатка в людях, которые воскликнут: вот это либерально! – и скажут мне: вот благодеяния единовластия! Потребовался Август, чтобы в Риме появилась библиотека; этот великолепный памятник, открытый для всех любителей греческого и латинского искусства, искупал многие вещи и заставлял ваших римских республиканцев бледнеть от досады. Но вспомните, господа, что я обещал вам доказать, что все, что было сделано при империи, могло быть более величественным, более грандиозным, построенным из более дорогих материалов, чем при республике, но прообраз всего этого всегда существовал в памятниках республики. Так обстоит дело и с Палатинской библиотекой:

это не изобретение, принадлежащее исключительно Августу. Не потребовалось абсолютной власти, чтобы получить это благо – публичную библиотеку в Риме; они уже существовали благодаря инициативе частных лиц, которые были богаты, и благодаря преданности частных лиц, которые любили литературу.

Так, Лукулл построил в своем огромном дворце библиотеку. Он скопировал ее с библиотек Греции; я не говорю о библиотеке Александрии, которая была целым миром, но, вероятно, с библиотек Афин, Селевкии, Пергама и всех тех городов, где были воздвигнуты эти святилища труда и мысли. На уроках нам часто рассказывают о пирах Лукулла, о кухне Лукулла; это рассматривать историю с ее мелких сторон; нужно видеть и прекрасные стороны жизни великих людей республики. Вот что сделал Лукулл: он построил библиотеку, точно такую же, как в Греции, с портиками. И эти портики имели свое назначение: в жарком климате, где солнце и тень одинаково необходимы, портики с четырех сторон обеспечивали тень с северной стороны в жаркий сезон и благодатное солнце с южной стороны в холодный сезон, в то время как промежуточные портики с запада и востока служили для переходных сезонов и для тех, кто боялся крайних температур. Библиотеки в древности не похожи на библиотеки в современное время. Это не огромное скопление зданий, где накапливаются тома, и не единственный зал для чтения, где главное правило – уважение к соседу и тишина. Благодаря своей обширной планировке, благодаря множеству подразделений, древние библиотеки частично были открыты воздуху, частично закрыты.

Там были залы, куда удалялись те, кто хотел работать; были портики, где располагались на солнце те, кто хотел читать для удовольствия и не боялся отвлечься; были портики для бесед. Там собирались философы и остроумцы; туда приходили во времена Августа, чтобы шептаться, обмениваться скрытым гневом, слишком правдивыми сплетнями; во времена Тиберия это было бы невозможно, потому что каждая колонна скрывала бы доносчика.

Лукулл построил библиотеку не для себя одного, не для нескольких друзей, но его библиотека была публичной, все могли в нее войти, римские граждане, как и граждане всего мира, и особенно греки, греки, которые тогда так почитались, так привлекали к себе, и вокруг которых собирались под портиками Лукулла. Другой римлянин, первый покровитель Вергилия, Азиний Поллион, в свою очередь построил еще большую библиотеку, и какое прекрасное имя он ей дал! Она называлась Атриум (мы бы сказали святилище) Свободы, как бы говоря, что свобода возможна только там, где мысль собирается и возвышается над слабостями людей.

Наконец, библиотека Августа стала третьей. Она будет самой богатой, она будет содержать самые ценные и многочисленные памятники, она, возможно, будет устроена с большим порядком и методом, потому что, появившись после двух других, она воспользовалась накопленным опытом, потому что Август может все, потому что она украшена добычей со всего мира. Для украшения залов там были бюсты всех великих людей, как Греции, так и Рима, обычай, восходящий к грекам, к библиотекам Селевкии, Пергама и Александрии. В качестве мебели там были шкафы и ящики (*scrinia*), куда помещались рукописи. Эти шкафы были частью декора, так как они были сделаны из драгоценных материалов, инкрустированы, из дерева далеких стран, подобранного по оттенкам и цветам, чтобы создавать узоры. Вы можете представить себе этот вид декора по библиотеке Ватикана, заключенной в ряд шкафов, слишком плотно закрытых для тех, кто хочет изучать, но украшенных арабесками, возвышающихся немного выше человеческого роста, но не выше, и содержащих каждый небольшое количество книг. Это древняя традиция. В рукописях V, VI и VII веков есть изображения шкафов с рукописями, и так мы можем представить себе библиотеки древних.

В шкафах были маленькие полки, не разделенные широким пространством, как у нас, но, наоборот, очень близко расположенные, потому что свернутые рукописи лежали плоско между каждой полкой; на краю рукописи был прикреплен шелковый или металлический шнурок, и ярлык, свисающий ниже полки, содержал название произведения. Таким образом, в одном

шкафу можно было разместить в четыре или пять раз больше рукописей, чем мы можем разместить томов. Эти шкафы были сделаны из дерева нужного качества. Сегодня нам нечего бояться, что книги будут съедены червями. Наши книги сделаны из бумаги, чаще всего обработанной хлором, который разъедает ее, но отпугивает насекомых. У древних рукописи были на пергаменте, животном материале, более подверженном атакам червей. Поэтому шкафы для библиотек строились из неподдающихся гниению пород дерева, кедра, кипариса, чей запах и горечь отпугивали насекомых.

Для хранения рукописей использовались не только шкафы, но и ящики, и вы видели в росписях Помпей и рядом с античными статуями, изображающими оратора или поэта, точное изображение ларца, содержащего рукописи. Это совершенно круглый ящик с крышкой. У этой крышки есть защелка, которая входит в замок, и в этот круглый ящик можно поместить пятнадцать или двадцать рукописей, в зависимости от его размеров.

Я перехожу к храму Аполлона, одному из самых великолепных, построенных при Августе.

Храм был из белого мрамора. Перед храмом находился алтарь. Август нашел остроумным увековечить память о гекатомбах, которые приносились богам в праздничные дни, разместив по четырем углам алтаря четыре статуи коров работы знаменитого скульптора Мирона, восхитительные своей реалистичностью и красотой. Это были как бы животные, всегда готовые к жертвоприношению.

Фронтон был увенчан плоской плитой, подобной тем, что можно видеть на римских памятниках, изображенных на монетах, и на которой находилась квадрига.

Поднявшись по ступеням храма, перед собой можно было увидеть двери. Они были из резной слоновой кости, составленные из отдельных кусков, искусно соединенных древними греками, и украшены барельефами, которые, разделенные на панели и секции, изображали: на одной створке – историю Аполлона и Дианы, мстящих за свою мать Латону детям Ниобы; на другой створке – поражение галлов, изгнанных с горы Парнас. Галлы хотели разграбить храм в Дельфах, но Аполлон пришел на помощь своему храму и поразил их молнией на Парнасе. Они были изображены в беспорядочном бегстве, бросающимися с утеса на утес, падающими на свое оружие и убивающими друг друга в своем смятении.

Эти двери, очевидно, вывезенные из Греции, немного напоминают двери флорентийского Баптистерия, хотя я не осмелюсь сравнивать их ни по стилю, ни по форме.

Войдя в храм, можно было увидеть статую Аполлона в глубине, справа от него – Латону, слева – Диану.

Но, господа, чьих рук были эти статуи? Были ли они творением римских художников, современников Августа, или греческих мастеров, привезенных в Рим по его приказу и способных создавать столь великие произведения? Нет, этих художников использовали для создания множества статуй Августа и его семьи. Статуя Аполлона была работы Скопаса, статуя Дианы – Тимофея, другого афинского скульптора, работавшего с ним над Мавзолеем, а статуя Латоны – Праксителя, соперника Скопаса, который в афинском искусстве представлял изящную, утонченную, чувственную сторону, тогда как Скопас воплощал порыв, страсть, силу движений.

Этот Аполлон внутри храма назывался Аполлоном Мусagetом (ведущим Муз). У нас нет этой статуи; но еще во времена Августа ее копировали для частных святилищ, и, копируя этот прекрасный мрамор Скопаса, оказывали честь Августу. В Ватикане действительно есть мрамор, соответствующий описаниям, оставленным древними, – Аполлон Мусaget. Это Аполлон с пышной шевелюрой, одетый в длинную тунику, спадающую до ног, которая словно развевается от ветра или внутреннего порыва; она настолько просторна, что напоминает женское одеяние. Грудь подпоясана широким поясом, подобным тем, что носят актеры на помпейских фресках.

Справа и слева от трех божеств находился хор Муз, словно вечная свита.

Внутри храма также находился знаменитый памятник, скорее шедевр ремесленника, чем художника: это был большой бронзовый канделябр в форме яблони; вместо плодов на его ветвях висели лампы, и когда их зажигали, они, имея форму яблок, казались светящимися плодами. Этот канделябр был греческого происхождения; Август взял его из храма в Киме, в Малой Азии, где Александр посвятил его Аполлону. Наконец, на фронтонах храма можно было увидеть очень древние статуи, работы греческих художников Бупала и Антифема, относящиеся к эпохе Писистрата. Август вывез эти произведения ранних школ с острова Хиос.

Завершая это описание, добавим, что рядом с рукописями библиотеки находилось хранилище резных камней. Молодой Марцелл, племянник Августа, увлекался камнями и резными камнями, он собрал коллекцию, и, поскольку он умер молодым, эту коллекцию объединили с Палатинской библиотекой, а зал, где она была выставлена, назвали Дактилитекой, греческим именем, греческой вещью, греческим воспоминанием.

Итак, господа, вот жилище Августа на Палатине. Дом, скромный, но с красивыми порциями, который подходил Гортензию и подошел императору, примыкает к храму Аполлона и залам библиотеки.

Между домом и общественным зданием существовал проход, аналогичный тому, что был в Лувре, когда там жили монархи, между их частными покоями и частями здания, предназначенными для общественного пользования. Так, в Лувре находились ценные коллекции и проходили заседания Академии скульптуры и живописи. Император, когда состарился, не любил спускаться с Палатина. Когда ему нужно было созвать сенат, он собирал его в святилище Аполлона. Выйдя из своего дома, он оказывался перед перистилем храма и ему оставалось сделать лишь несколько шагов, чтобы председательствовать на заседаниях сената.

Каково же сегодня состояние этого места? Какие сведения мы можем там найти?

Вы знаете, что древнее место сейчас занято виллой Миллс, превращенной в монастырь Визитации. Когда вы находитесь у арки Тита, если посмотрите под ноги, в сторону узкого переулка, ведущего между двумя стенами к монастырю капуцинов и монастырю Визитации, вы увидите древнюю мостовую, сложенную из полигональных блоков, искусно подогнанных. Видно только три метра длины. Вскоре эта мостовая исчезает под землей, насыпанной в современное время. Если вы бросите взгляд на соседние сады, вы увидите, что господин Роза, который ведет раскопки в садах Фарнезе для императора Наполеона III, обнаружил внутри полигональную мостовую. Это продолжение того же пути, и эта мостовая – не что иное, как дорога, которая в древности вела к Палатинской библиотеке, храму Аполлона и дому Августа. Но внезапно мостовая уходит под стены монастыря, и путь преграждается. Этот монастырь – монастырь Визитации, бывшая вилла Миллс.

В 1857 году монахини Визитации купили эту землю и поселились здесь: можно сказать, что никогда имя не было более подходящим, чем имя этого монастыря. Я рассказывал вам в прошлом году, господа, какое мирное осаждение пришлось вынести этим бедным монахиням; как господин Роза, с одной стороны, очень хотел провести раскопки в направлении дома Августа; как, с другой стороны, в саду, который раньше был садом ирландцев и который купил папа, кавальер Гвиди, бывший агент маркиза Кампаны и агент папы Пия IX, хотел проникнуть в монастырь и начал рыть подземные ходы, надеясь пройти под общей стеной, чтобы тайно вести раскопки на двадцать футов ниже земли монастыря. Таким образом, монахинь атакуют с севера и юга. Это единственный пункт, в котором сходятся Империя и Папство. На склоне, обращенном к долине Цирка, находятся остатки лестницы, по которой поднимались на Палатин в последние времена Римской империи. К сожалению, сейчас там отвесная стена и садовник, который не поддается подкупу. Войти невозможно. Однажды я позвонил в дверь главного фасада, хотя на двери было написано «закрыто». Я бросил взгляд в первый двор. Я увидел обработанное пространство, артишоки, брокколи, но никаких руин – земля была полностью выровнена для нужд сельского хозяйства.

Хотелось бы переселить монахинь, чье присутствие делает исследования невозможными; их убеждают, что место нездоровое, что у них лихорадки; все беспокоится об их здоровье – папа, Наполеон III, римские антиквары; надеются перевести их в другое место. Наконец, особое внимание уделяется дому Августа: это может сильно заинтересовать некоторых людей; признаюсь, для меня сам дом малоинтересен. Это будет не что иное, как дом в Помпеях. То, что Август там спал, жил, – вопрос фетишизма. Интересным будет храм Аполлона Палатинского, портики библиотеки.

Не так давно вилла была закрыта; её посетили и описали, и когда её посещали и описывали, там было мало руин. Раскопки были проведены в 1777 году; были найдены три комнаты, которые, вероятно, принадлежали первому этажу и не представляли ничего особенного, за исключением тех сердец, которые трепещут при одном воспоминании об Августе; но для искусства здесь нет иллюзий. Я забыл сказать вам, что дом Августа сгорел в 756 году от основания Рима. Августу было шестьдесят три года. Пожар не был значительным, так как в античном доме не так много чего гореть; есть верхние этажи, но портики, дворы представляют собой открытые пространства, которые останавливают пламя. Мне не нужно вам рассказывать, господа, что это было огромное, всеобщее горе, и, так как было известно, что Август держал в своих руках судьбу всех, каждый предлагал ему своё личное состояние. Представители власти, сенаторы, всадники, центурионы, декурионы пришли умолять Августа принять их имущество для восстановления его дома. Август, будучи хорошим актёром, прекрасно понял, что с ним разыгрывают комедию, он взял у каждого лишь по одному серебряному денарию, восстановил свой дом, сделав его немного более элегантным, чем он был прежде, потому что он был верховным понтификом, и, как он говорил, подобало верховному понтифику жить в хорошем доме, но он согласился украсить его только в качестве верховного понтифика. Не на месте дома Августа как такового раскопки представляют интерес, будь то с исторической или художественной точки зрения; это на участке, который находится перед этим местом, потому что именно там находился храм Аполлона Палатинского, с его великолепными колоннами из африканского мрамора и восхитительным декором, который мы описали.

Я не сомневаюсь, что средневековые раскопщики унесли почти всё. Но топографические сведения сохраняются, и у нас есть некоторая надежда узнать устройство храма Аполлона Палатинского, так же как мы так хорошо знаем, благодаря раскопкам господина Роза, постройки дворца Флавиев.

Итак, господа, этот дом Августа, о великолепии которого я хотел вам рассказать, чтобы вы поняли его публичную часть, открытую для граждан, и элегантную, греческую, изысканную простоту части, предназначенной для императора, мы сейчас увидим, что он скрывал. Мы увидим, как жили в этом доме, который был объектом стольких любопытств; каков был внутренний мир этого человека, которого изображают как самого счастливого из правителей, самого неуязвимого из мудрецов и умеренных. Другими словами, я постараюсь показать вам главные фигуры, окружавшие Августа, членов его семьи, как по крови, так и по союзам; мы попытаемся восстановить следы этой интимной жизни, как с помощью истории, так и с помощью памятников, проверяя историю памятниками и, когда она молчит, восполняя это молчание тем, что учат нас памятники. Вы убедитесь, что есть мораль даже в этой великой игре судьбы, которую называют историей. Вы увидите, что искусство обманывать людей имеет свои компенсации, что совесть не прикрывается ложным спокойствием, и что преступления против родины находят своё искупление ещё при жизни виновного. Мы проникнем в тайные наказания этого человека, которого обманутое потомство возносит до уровня богов.

III. – Ливия и молодые цезари

Август, владея собой и другими, жил, казалось бы, в полной безопасности, выше всяких угрызений совести, защищенный от всех испытаний, в той душевной *tranquillité*, которая находится между эгоизмом и отсутствием тревог. Казалось, что совершенное счастье вознаградило жизнь, которая не была свободна ни от дерзости, ни от преступлений.

Но, господа, существуют искупления; они есть во все времена, во всех ситуациях, и, хотя воздаяние за добро и зло не всегда очевидно для наблюдателя, в истории, как и в человеческой жизни, рядом с совершенными ошибками стоит наказание: это очевидно для Августа. Если вы рассмотрите личности, которые жили в его ближайшем окружении, составляли его семью, были для него надеждой или страхом, вы увидите, что в его жизни были великие страдания, смягченные эгоизмом, но очень ощутимые, что в императорском доме были бедствия, которые стали искуплением за ту власть, которую Август завоевал одновременно насильственно и хитростью.

Ливия и две Юлии – его жена, его единственная дочь и внучка – стали для него бедствиями. Первые две особенно заслуживают изучения. Это два исторических типа, я бы даже сказал, два прототипа, которые заранее воплощают большинство женщин и дочерей будущих императоров – честолюбивых или развратных, злодейских или бесстыдных. У нас есть их портреты, которые вторгаются в историю. Я начну с императрицы Ливии, которая, согласно Тациту, была злой мачехой для семьи Августа и для государства.

Август имел трех жен. В молодости он женился на представительнице семьи Клавдиев, едва достигшей брачного возраста, которую он развел, еще девственницей, чтобы жениться на другой римлянке, родственнице Помпея, Скрибонии, от которой у него родилась знаменитая Юлия. Затем он развелся со Скрибонией по причине *adultery*, и особенно потому, что планировал жениться на Ливии. Ливия, его третья жена, внушила ему безумную страсть. Она была замужем за Тиберием Клавдием Нероном и беременна на шестом месяце, когда Октавиан приказал Тиберию Нерону развестись с ней. Историки говорят, что Тиберий глубоко страдал, но был вынужден подчиниться, не имея возможности противостоять воле триумвира. Тацит добавляет, что неизвестно, согласилась ли Ливия на этот развод или нет – *incertum an invitam*. Через три месяца, когда Ливия родила, ребенка отправили к его отцу. Так Ливия стала самым значительным лицом в империи после Августа, а, по моему мнению, даже выше его.

Ливия обладала качествами. Нельзя внушить страсть такому человеку, как Октавиан, и такому римскому вельможе, как Тиберий Клавдий Нерон, не заслужив этого. Мы знаем из памятников, что она была красива; она была не только красива, но и очень умна, с развитым интеллектом; она любила литературу, поэзию, искусство; она доказала это памятниками, которые воздвигла, и, когда в конце жизни удалилась в деревню, – предметами искусства, которыми себя окружила. У нее был ум, хладнокровие; это была выдающаяся личность в полном смысле слова.

Она обладала – не будем скупиться на эту похвалу, ведь нам недолго придется ее хвалить – честностью. Древние историки иногда сомневались в этом, и даже Дион, который восхвалял императоров, кажется, задается вопросом, говоря о честности Ливии, утверждая, что она достаточно скрывала свою жизнь, чтобы ничего нельзя было доказать. Я не думаю, что стоит останавливаться на этом сомнении. Нужно оставить Ливии эту целомудренность, которая не противоречит ее характеру и дополняет его. У нее действительно были столь высокие устремления, что низменные эмоции, такие как удовлетворение мимолетных страстей, не могли иметь для нее значения. Холодность, владение своими чувствами были необходимы для женщины, которая хотела быть великой, как Ливия. Ей удалось, едва войдя в дом Октавиана, стереть скандал своего брака и окружить себя внушительной внешностью. Она вела

простую, достойную жизнь и старалась напоминать древних матрон; она сама пряла шерсть для одежды Августа, она демонстрировала глубокую ненависть к роскоши, которая захлестнула дома римских дам, она была целомудренна без преувеличений. Это была хорошо сложенная матрона, с простотой, которая была вершиной искусства и могла заставить поверить в искренность всех чувств, которые она изображала. Однажды это подтвердилось. На ее пути несколько мужчин показались совершенно голыми. Было ли это оскорблением или случайностью, история умалчивает. Это было серьезно; это было преступление против величества. Ливия запретила преследовать этих наглецов, сказав: «Для целомудренной женщины эти мужчины – не более чем статуи». Эти слова достойны Виргинии или Корнелии.

Вот светлая сторона; но есть и обратная. Тацит говорит, что она была женой, полной уступчивости, удобной женой, *ихor facilis*; она закрывала глаза на страсти и измены своего мужа. Она пошла дальше: она способствовала либо удовлетворению страсти, которую внушали ей другие женщины, либо ее возникновению.

Что у нее было общего с мужем, так это амбиции и политика. Тацит в двух словах (*artibus pariti*) описал то, что можно перевести только как имя Макиавелли; она была скрытной, более политической, чем Октавиан, у нее был весь макиавеллизм Августа; и я думаю, что с характером, который ей приписывает история, и который подтверждают ее изображения, она, должно быть, имела больше власти над Октавианом, чем рассказывают. В этой удивительной трансформации характера молодого Октавиана – вспыльчивого, кровожадного, – который стал владеть собой, способным к мягкости, умеренности и искусной *hypocrisis*, есть влияние женщины.

Вы знаете, что может женщина, которая делит жизнь с кем-то долгие годы: Ливия прожила жизнь Августа сорок девять лет. Безусловно, она оказывала большое влияние на все, что ее окружало, и, прежде всего, на своего мужа. Вспомните, если хотите понять этот характер, что она – мать Тиберия, который остался для мира совершенным образцом глубокой и хитроумной *hypocrisis*, и что Калигула, который был ее правнуком, который не любил ее, но однажды публично восхвалял ее после смерти, имел обыкновение называть ее «Улисс в юбке», желая сказать, что она обладала хитростью и всей коварностью Улисса.

Соответствуют ли изображения, оставшиеся в музеях, описаниям древних? Какой была ее внешность и эта столь восхваляемая красота? В целом, на чертах лица можно увидеть отпечаток души, особенно когда речь идет о сильно закаленной душе. К сожалению, хотя у нас есть некоторое количество античных памятников, изображающих Ливию, не многие из них внушают полное доверие.

Самое красивое изображение ее находится в Париже, в Лувре: это статуя, которая сейчас находится в нижнем зале, называемом, кажется, залом Императоров, и которая раньше была в другой части музея. Эта статуя до наполеоновских войн находилась в вилле Пинчиана. Она была одной из дани, данных первому консулу, и осталась во Франции. Это статуя, восстановленная как Церера. Колосья, которые она держит в руках, – работа современного скульптора, а на голове у нее венок из цветов.

Другая статуя, менее интересная, потому что была сделана для провинции, – это статуя, найденная в Отриколе. В муниципальной курии было несколько статуй, которые составляли пары и представляли императорскую семью. Так, напротив Августа была найдена женщина, одетая как жрица; это Ливия, жрица Августа. В более отдаленных нишах были две статуи молодых людей; в одной узнали Калигулу, в другой, напротив, хотели видеть Марцелла. Мы скоро скажем, что об этом думать. Но эта статуя Ливии менее интересна, чем статуя в Лувре, потому что Ливия стала жрицей только после смерти Августа.

Монеты редко изображают Ливию. Те, на которых есть ее изображение, – это монеты, отчеканенные при Тиберии, с которым она разделяла абсолютную власть, будучи связанной с империей до такой степени, что раздражала своего сына. Монеты, отчеканенные при Тиберии, изображают жрицу Ливию с надписью: *Diva Augusta*. Она должна была принять это имя,

потому что Август завещал ей большую часть своего состояния. Подобное завещание, согласно римскому закону, означало усыновление, и, становясь дочерью Августа, Ливия принимала его имя. Но она могла принять его только после завещания, которое установило усыновление, и, следовательно, после смерти императора. Кроме того, на медали указано время ее чеканки: видно, что она относится ко времени Тиберия, к двадцать четвертому году его трибуната. Тиберий был трибуном шестнадцать раз при Августе и восемь раз, когда сам был императором. Ливии было тогда семьдесят шесть лет, и если вы посмотрите на медаль, вы увидите молодую женщину двадцати пяти лет.

Что касается камеей, они скорее относятся к старости Ливии, так как она изображена с короной жрицы, и тем не менее ее черты – черты молодости. Это потому, что греческие художники, работавшие в Риме, неохотно изображали телесные недуги и признаки увядания, которые годы накладывают на лицо; у них был способ идеализировать свои модели, который заключался в их омоложении. Однако есть камея, на которой видна уже постаревшая Ливия. Двойной подбородок выдает зрелость. Голова увенчана лавровым венком, что означает, что Ливия – жрица Августа, лавровый венок был символом понтификата. Следовательно, это изображение было сделано уже после смерти Августа.

Но статуя, которая находится в Лувре, заслуживает нашего полного внимания. Это величественный памятник, более красивый, чем другие, лучше сохранившийся, за исключением атрибутов Цереры, которые были восстановлены. Прическа прекрасна. Волосы имеют те волны, которые характерны для великолепных черных волос с синеватым отливом итальянских женщин; цветы образуют густой венок. В лице есть приятная, милая полнота, которую скульптор не скрыл; черты красивы, шея имеет те две прекрасные линии, которые называют ожерельем Венеры. Все говорит о человеке, способном вдохновить великие страсти. Лоб чистый, ясный, гладкий; в нем есть что-то неуязвимое, как материальная чистота хорошо отполированной стали; кажется, что ни обида, ни гнев не смогли бы оставить на нем свой след, что страсть не смогла бы его избородить, ни мысль выдать себя; это то, что называют медным лбом в хорошем смысле слова, лбом, готовым ко всему и особенно к тому, чтобы не краснеть. Глаза немного выпуклые; у них нет широкой окантовки глазницы, как у греческих глаз, и, поскольку греческие художники склонны идеализировать свои модели, я предполагаю, что у Ливии глаза были немного более выпуклыми, чем у статуи. Тем не менее, это красивые глаза, обладающие гармонией, характером, силой и даже значительной долей спокойствия. Насколько скульптура позволяет передать что-то от безмолвного мрамора, можно угадать взгляд, который должен был легко проникать в других и не позволять проникать в себя.

Нос орлиный, слегка приподнятый в середине своей кривой, но у него есть другой характер: ноздри сжаты, как будто они собираются втянуться в лицо. Привычка контролировать себя, уходить в себя, выдает себя в игре хрящей, формирующих кончик носа. Действительно, если в человеческом лице верхняя часть носа неподвижна, то нижняя часть, напротив, сокращается под влиянием страстей; в ноздрях есть очень большое выражение гнева, чувственности или морального сдерживания. Нос Ливии выдает настоящую злобу; у него есть выражение, противоположное выражению остальной части лица, которое обладает грацией и спокойствием. Но если вы дойдете до рта, тогда истина раскрывается. Это красивый рот, преувеличенный в своей малenькости; задаешься вопросом, могла ли из него выйти правда. В уголках этого такого маленького рта, на этих тонких губах, нет места для выражения чувства, для улыбки, и будьте уверены, что это не ради удовольствия скульптор времен Августа сделал этот рот таким отличным от тех благородных широко открытых греческих ртов, которые представляют ту знаменитую линию, которую во времена Давида называли луком Аполлона и которая была традиционной в скульптуре той эпохи. В этом рту видно больше, чем злоба, и если в лице Ливии есть черта, выражающая злодейство, то это она.

Итак, господа, взгляните на общее выражение лица; оно одновременно безмятежно и беспощадно; вы чувствуете в этом лице что-то, что сжимает ваше сердце и одновременно очаровывает, потому что оно объединяет эти две крайние черты: высоту интеллекта и злодейство.

Главное очарование Ливии, очарование, которое скульптура не может передать и которое легко представить, основываясь на современном римском типе, – это сияние кожи, мягкость эпидермиса, цветущий вид, натянутый на полное лицо, с деликатным оттенком, неспособным выдать движения сердца. Очарование статуи – это красота драпировок, элегантность, выражение той добродетели, которую называют добродетелью матрон. Все это было хорошо передано скульптором, если только это не безличные черты.

Другая черта, которая поражает, – это странное сходство с хищной птицей, не с орлом, но, благодаря маленькому рту и носу, форме глаза и бровной дуги, с совой. И это не сатира, которую я хочу сделать. Не думайте, что это тип уродства, как у северных рас. С восточными расами дело обстоит иначе; я видел на Востоке женщин, которые поразительно напоминали сову; Лафатер, встретив их на улице, остановился бы перед ними. Тем не менее, они были очень красивы. Я помню в Афинах двух молодых девушек, двух сестер, совсем юных, которые были очаровательны и имели ту же маленькость рта и носа, что и у статуи Ливии; они напоминали сову.

Ливия с первых дней своего брака с Августом была одержима безудержным честолюбием. У нее не было тщеславия, у нее не было вкуса к показной роскоши, всю свою жизнь она преследовала одну цель – власть своего мужа, которым она вдохновляла, и власть своего сына Тиберия, которого она надеялась контролировать, как тайно направляла Августа. Но то, что она любила в своем муже и сыне, то, что она хотела сохранить ценой крови и яда, – это была абсолютная власть для себя самой.

В 716 году Ливия вышла замуж за Октавиана. С 716 по 725 год, когда были разгромлены партии Секста Помпея и Антония, прошло девять лет. В течение этих девяти лет, господа, будьте уверены, что Ливия своей осмотрительностью, хорошими советами, кажущейся умеренностью, знанием людей оказала значительное влияние на своего мужа, чья страсть к ней была безгранична; до последнего дня Август был ослеплен Ливией (это примечательно для такого подозрительного человека), до последнего дня она имела над ним абсолютную власть. Я убежден, что в течение этих девяти лет произошла трансформация триумвира, который ранее знал только один политический метод – убивать всех, даже своего наставника, даже Цицерона, даже своих друзей, если они становились препятствием для его амбиций. Ливия поняла, что для того, чтобы конфисковать силы республики в пользу одного, нужны более долговечные средства, и что лучше завоевать сердца народа после устранения мужественных душ, которые осмелились защищать свободу. Заметьте, как сильно чувствуется влияние Ливии в последних войнах триумвирата. Это Ливия делает подарки Антонию, когда Антоний, хозяин Востока, унижает Октавиана, который не готов, и когда Секст контролирует море. Что она тогда советует ему? Хитрость, выжидание, молчание. Она выдает замуж за Антония сестру Октавиана: он прогоняет ее в первый раз, ее возвращают ему с подарками, с деньгами и войсками, то есть с тем, что для него наиболее ценно, а для Октавиана наиболее опасно. Почему? Потому что он не готов, потому что нужно обмануть противника, которого еще нельзя победить. Юлия, дочь Октавиана, обручена в два года с сыном Антония, Антуллом, которому десять. Все становится дипломатией, сдержанностью, ловушкой, до тех пор пока дух римлян не будет возбужден против Антония, а силы Октавиана не станут способны победить. Это Ливия обуздывает этого молодого, свирепого и импульсивного триумвира, советует ему выжидательную политику и терпение. Это не она вышла замуж за макиавеллизм Августа, как считает Тацит, это он женился на макиавеллизме Ливии и постепенно был ею сформирован так, чтобы стать хозяином Рима и мира.

Но, господа, если вы хотите дойти до конца карьеры Августа, вы увидите, что время от времени он вырывается из-под этого господства, что его истинный характер проявляется, когда Ливии нет рядом и его страсти застают его врасплох; на следующий день происходит исправление, смягчение, возврат к осмотрительности, потому что жена возвращает мужа в линию поведения, которая дала ему власть и может сохранить ее. Чувствуется, что душа императора – это грубая ткань, которую дублирует, сдерживает и смягчает более мягкая, но еще более сильная ткань – душа Ливии. Союз этой ужасной пары основал вечное рабство римского народа.

Таким образом, кажется, что нужно склониться и воскликнуть: Счастливый Август! Он держит мир в своих руках, у него есть целомудренный очаг, жена, которая является лучшим советником и внушает ему восхитительную политику, которая помогает ему раскрывать заговоры, предупреждает о ценности людей, устраняет тех, кто опасен, указывает тех, кого он должен выбрать и кто может быть ему полезен. Наконец, эта старая римская легенда о Нуме, консультирующемся с нимфой Эгерией, стала реальностью. Эгерия – это Ливия, и кажется, что император имеет здесь самое полное счастье, на которое может претендовать абсолютный монарх: спокойствие внутри и снаружи, мир в империи и в своем доме.

Итак, господа, именно здесь нужно искать моральный противовес и обнаружить наказание, не наказание в личности Ливии, поскольку до последнего дня Октавиан и Август, слитые воедино, будут ослеплены Ливией и не увидят ее недостатков и преступлений. Наказанием будут преступления, которые Ливия будет совершать одно за другим, чтобы сломать все опоры Августа, устранить то, что ему дороже всего, его род и династическое наследство, пока она не достигнет своей цели; когда император станет препятствием, она устранит самого императора, за несколько дней или месяцев до срока, назначенного природой.

Девять препятствий закрывают Тиберию путь к трону. Ливия не устранила их все, судьба также работала на нее; но есть шесть, в которых она помогла судьбе. Ливия поздно вступила на путь домашних преступлений. В первые годы своего брака она могла надеяться на детей от Августа. Он стал хозяином мира только в тридцать пять лет; несколько лет потребовалось, чтобы успокоить умы, укрепить будущее, дисциплинировать сенат. Все это было достаточно, чтобы наполнить мечты Ливии, и забота о преемственности Августа не навязывалась ей. Но когда Август начинает стареть, она, которая чувствует себя всегда молодой и способной дожить до конца века, задается вопросом, что станет с ней, когда один из законных наследников ее мужа, когда принц крови, которая не ее, взойдет на трон; она понимает, что инструмент, на который она опирается, подведет ее, она содрогается, ищет другой, и этим другим будет Тиберий, сын от ее первого брака.

Я говорил вам, что девять препятствий отделяют Тиберия и Ливию от трона. Сначала были две головы, которые Август любил, которые были ему очень близки и которые были объектом всех его забот. Это его сестра Октавия и сын его сестры, молодой Марцелл.

Октавия вышла замуж за Марцелла, потомка победителя Сиракуз, одного из самых знатных имен Рима. У них было несколько детей, сын, который носил то же имя, что и его отец, и две дочери. После смерти Марцелла она вышла замуж за Антония, от которого у нее было две дочери. Поскольку у нее был только один сын, он был предназначен быть преемником Августа.

Октавия была человеком мягкого, очаровательного характера, который всю жизнь был игрушкой политических событий. Выданная замуж за Антония, человека не самого достойного и отвратительного мужа, она терпела его оскорбления, не жалуясь, и прилагала усилия, чтобы сблизить враждующие стороны. Она предстает как ангел примирения между свояками, переходя от одного к другому, неся оливковую ветвь с Запада на Восток и с Востока на Запад.

Мы хотели бы иметь изображение Октавии, чья мягкая личность успокаивает взгляд, как вид оазиса в пустыне, среди этих кровавых фигур мужчин и женщин. К сожалению, это сложно. Октавия не позволяла себя изображать в искусстве. В молодости ее брат еще не достиг

всемогущества. В последние годы своей короткой жизни она глубоко страдала от потери своего сына Марцелла и не хотела допускать к себе ни поэтов, ни художников. Ее смерть совпала не с концом, а с началом правления Августа, и только к концу его правления стали появляться изображения всех членов императорской семьи, для царицы и для муниципалитетов. Единственная медаль Октавии, которая у нас есть, и которую даже не считают подлинной, – это серебряная медаль, находящаяся в музее Вены, опубликованная Эккелем, хранителем этого музея, но со всеми оговорками.

На одной стороне этой медали изображены два лица: женское с маленьким полумесяцем и мужское со звездой Юлиев. Это Октавия и ее брат Октавиан. На обратной стороне – одно лицо, Тиберия, и возникает вопрос, что общего у Октавии с Тиберием.

Можно ответить, что эта монета, возможно, была отчеканена при этом принце, чтобы теснее связать его с семьей Августа.

В коллекции г-на Луи Фуда, проданной несколько лет назад, восхищались прекрасным бюстом из зеленого базальта, который теперь находится в Лувре. Этот бюст всегда хотели считать изображением Октавии. Прическа, действительно, соответствует эпохе Августа, но нет доказательств, что это изображение именно этой принцессы. И все же в этом бюсте есть какое-то очарование, которое убеждает и очаровывает меня. Голова, хотя и из базальта, то есть высечена из материала, который сопротивляется резцу художника и требует обработки, как алмаз, имеет такое выражение мягкости и доброты, что соответствует тому, что история рассказывает об Октавии. Прекрасные глаза излучают мягкость, которую годы не смогут уничтожить. Рот, как и взгляд, имеют что-то приятное, преданное, что выдает человека, всегда готового пожертвовать собой ради других; чувствуется та доброта, которую я назову итальянской добротой, полной отдачи, необдуманной грации, беззаботности о себе и притягательности к другим.

Я хотел бы, чтобы бюст в Лувре был подлинным портретом Октавии, потому что это именно та физиономия, которую, согласно истории, приписывают этой сестре Октавиана, столь непохожей, столь противоположной своему брату.

Август назначил своим наследником Марцелла. Марцелл был сделан понтификом до возраста, трибуном до возраста: его дядя готовил его таким образом к осуществлению верховной власти, которая его ожидала.

Но этот молодой человек внезапно заболел. Его врач был врачом Ливии; его звали Муса. Как его лечили? Очень хорошо, очевидно, но он умер без видимой причины, без возможности объяснить, какая болезнь его унесла. Ему был двадцать один год. Статуя, которая, как считается, изображает его, показывает очень сильного, хорошо сложенного молодого человека, но он умер.

Со всех сторон в Риме распространились слухи, что он был отравлен, и писатели, которые хотели восхвалять императорскую семью, Дион среди прочих, нашли довольно странные причины, чтобы снять это обвинение с Ливии: «В тот год, – говорит он, – в Риме было много болезней, и следующий год был особенно нездоровым». Но у других историков осталось убеждение, что Марцелл умер насильственной смертью. Кто был заинтересован в его устранении? Только один человек – тот, кто хотел открыть путь Тиберию. После смерти Марцелла Октавия испытывала такую боль, что поэзия сохранила память о ней; она не хотела допускать к себе ни скульпторов, которые хотели запечатлеть черты ее сына, ни литераторов, ни поэтов, предлагавших утешения в ее горе. Она замкнулась в глубоком одиночестве и умерла через десять лет после Марцелла.

Кто не знает легенду, которую искусство и особенно стихи Вергилия обессмертили? Это один из самых симпатичных эпизодов правления Августа – сцена, где Вергилий читает свои стихи в доме на Палатине в присутствии императора и его сестры, Октавия внезапно падает в обморок на колени Августа, тот проливает слезы сожаления и платит поэту за каждый стих сумму, эквивалентную двум тысячам франков нашей валюты.

Это действительно один из самых трогательных эпизодов правления Августа; но я боюсь, что он не является правдой. Есть писатель, который больше всех восхвалял Октавию и Марцелла. Это тот, кто позже стал наставником Нерона. Сенека оставил нам самое подробное описание горя Октавии; он описывает ее шаги, он сообщает, что она замкнулась в абсолютном одиночестве. Однако Сенека ничего не говорит об этой сцене. Он даже не упоминает о чтении Вергилия.

В какую эпоху было рассказано об этом чтении? Впервые это было рассказано в 304 году неким комментатором по имени Донатий. Этот Донатий, комментируя Вергилия, рассказывает эту легенду через три века после смерти Марцелла, впервые. И как Донатий приводит этот факт? В своих заметках, используя неопределенную форму: «Говорят». Позже, в правление Гонория, появляется другой комментатор Вергилия, Сервий. Хотя он еще дальше от событий, он меняет неопределенную форму легенды на утверждение. Он говорит: «Достоверно, что Вергилий читал эти стихи». Как он мог знать во времена Гонория то, что не было известно веком ранее?

Эта традиция имеет так же мало ценности, как и легенда о Беллизарии, ослепленном по приказу Юстиниана и просящем милостыню у ворот Константинополя. Но какова бы ни была ее подлинность, она будет жить, потому что поэзия и искусство захватили ее, и мы не будем отказываться от нее, так как она послужила мотивом для одной из самых прекрасных композиций г-на Энгра.

Я нахожу только один иконографический памятник, который относят к Марцеллу: это одна из статуй, обнаруженных в базилике Отриколы, о которой я вам рассказывал в связи с Ливией. Голова сильная, квадратная, коренастая, в плечах; статуя хорошо поставлена, золотая булла висит на груди. Принято считать, что в этой статуе изображен Марцелл, но мне это кажется сомнительным. Во-первых, статуи базилики Отриколы, по-видимому, относятся к периоду после смерти Августа, так как Ливия стала жрицей только после его смерти. Таким образом, эта базилика была основана при Тиберии, когда Марцелл уже давно умер, и многие другие члены семьи Августа исчезли после него. Кроме того, зачем эта золотая булла? Марцелл умер в двадцать один год, и его бы изобразили с атрибутами этого возраста, а не в тоге и с буллой, символом детей. Добавлю, что голова имеет выражение сосредоточенности и твердости, которое удивляет. Лоб особенно демонстрирует сильную работу мышц; он напряжен, и две большие шишки возвышаются над бровями. Все это выражает усилие и заставляет думать о бюстах Каракаллы. Это совсем не та физиономия, которую предполагают у Марцелла, этого прекрасного лилия, склоняющегося на своем стебле. Если бы эта статуя действительно изображала молодого принца, мне было бы трудно поверить, что этот принц был предназначен вернуть золотой век на землю. В этом случае, посмотрите, до чего уже дошли бедные римляне: они поклоняются как хорошим принцам только тем, кто умирает в молодости! Марцелл умирает: ах, он бы сделал мир счастливым! После него Гай Цезарь умирает в двадцать три года: какой великий человек! Затем Луций Цезарь умирает в двадцать лет: когда римляне говорят о нем, это с выражением глубочайшей скорби. Так будет со всеми, так с Друзом, братом Тиберия, так с Германиком, который, по крайней мере, действительно заслуживает этих сожалений. Британик тоже остался в истории как тип принцев, предназначенных для наслаждений мира, когда они станут его хозяевами. Порабощенные народы похожи на романтических женщин, которые утешают себя от реальности вздохами и мечтами.

Таким образом, перед амбициями Ливии остается семь препятствий. Самые опасные из них – Агриппа и Меценат, особенно Агриппа, который мог бы унаследовать империю как зять Августа, проницательный ум, твердая рука, опытный генерал. Но судьба хорошо послужила Ливии. Агриппа умер раньше Августа, и Ливии больше не нужно было опасаться энергичного человека, способного защитить всю ее семью. Что касается Мецената, тонкого и проницательного переговорщика, умелого советника и искреннего придворного Августа, его

преданного и бдительного друга, насколько это позволял его инертный эгоизм, он вызывает больше опасений, чем кто-либо. Судьба на стороне Ливии: Меценат умирает после Агриппы, и эти два значительных человека оставляют путь свободным для амбиций Ливии. Затем удары наносятся почти без перерыва. Сначала дочь Августа, Юлия, слишком известная Юлия, чью скандальную жизнь мы скоро опишем, но которая была матерью, которая защищала бы своих детей с яростью львицы, Юлия, женщина большой гордости, живого ума и редкой смелости, которая подавляла Ливию своим презрением. Когда пришло время, Ливия, которая закрывала глаза на разврат Юлии, посчитала нужным приподнять завесу, показала Августу то, что он, якобы, не знал, и вызвала в его душе одну из тех яростных вспышек гнева, которые она не старалась укротить. Император, в негодовании от оскорбленной его величества, сослал свою дочь и отправил в сенат список ее любовников с сопроводительным меморандумом, торжественно зачитанным квестором. После депортации Юлии ее дети, хотя и усыновленные императором, оказались беззащитными.

Первым пострадал Луций Цезарь. Едва достигнув двадцати одного года, он отправляется в Марсель и слегка заболевает. Неизвестно, что с ним случилось, он умирает. Его брат, Гай Цезарь, совершил первую экспедицию, выиграл несколько сражений против парфян, почувствовал вражеское железо, был ранен, но его рана незначительна, стрела слегка задела его, его лечат с большим вниманием, он впадает в изнеможение и умирает. Никто не понимает, как царапина от неотравленной стрелы могла привести к смерти, но он умирает. Слишком поздно замечают, что его сопровождал человек, который был душой Ливии, Лоллий, и что Лоллий руководил всеми заботами, которые ему оказывали.

Третий сын Юлии также усыновлен. Он находится в Риме под присмотром Августа, который заботится о нем с особым вниманием, так как он последняя надежда его рода. Но однажды Август обнаруживает, или, скорее, ему дают понять, что этот внук, которого звали Агриппа Постум, имеет жесткий и дикий характер. Агриппа любит рыбалку; его товарищи, его маленькие льстецы, прозвали его Нептуном; он часто бывает в Остии и катается на лодке. В этом видят что-то ужасное! Август настолько предубежден против своего внука, что ссылает его. Он был назначен наследником империи, богато одарен, имел значительные доходы; усыновление отменяется, все его имущество конфискуется, передается в военную казну, его отправляют в Сорренто, и вскоре, когда замечают, что Сорренто слишком приятен, его отправляют дальше на почти необитаемый остров рядом с Корсикой, на остров Планария.

Памятники не дают нам представления об Агриппе, так как можно упомянуть только одну монету, отчеканенную в провинции, на которой изображена голова, напоминающая Юлию, и три маленькие головы, черты которых едва различимы, – это его сыновья, Луций и Гай Цезарь, и Агриппа Постум, названный так, потому что он родился после смерти своего отца. Что касается двух очаровательных бюстов, которые показывают в Ватикане рядом с бюстом юного Августа, и в которых узнают Гая и Луция Цезаря, это всего лишь предположение, так как нет доказательств.

Агриппа устранен, но этого недостаточно, так как Август может умереть внезапно; армия и сенат могут отправиться за Агриппой на Планарию, которая не так далеко, и тогда горе Тиберию!

История также не побоялась намекнуть, что последним злодеянием Ливии было отравление собственного мужа. Кажется невероятным, чтобы женщина решилась на такую крайность после пятидесяти лет брака. Но, господа, внимательно рассмотрите логику фактов. У Августа случился один из тех моментов слабости, которые испытывают даже самые стойкие сердца в последние дни своей жизни. Ему было семьдесят шесть лет, он видел, как один за другим исчезают все его друзья; он сам отправил на смерть или позволил убить своих детей и внуков. В этом одиночестве, в день печали, он вызывает сенатора, которого считал достойным своего доверия, Фабия Максима, потомка великого рода Фабиев; он приказывает ему тайно снарядить

галеру и садится на корабль. Он уезжает с ним втайне, не предупредив Ливию. Вы не забыли, что он боялся Ливии, и я уже приводил характерный пример: когда ему нужно было обсуждать с ней серьезные вопросы, он заранее записывал то, что хотел сказать, и эта предосторожность казалась ему одной из necessities его частной жизни. Но в последние дни, чувствуя, что все его покидает, он испытывает тайное желание увидеть своего внука; он скрывается от Ливии и отправляется на остров Планария с Фабием Максимом; он приказывает привести Агриппу, берет его на руки и плачет. Вот слезы, в которые я верю больше, чем в те, что Вергилий заставил его пролить над Марцеллом; это его последняя надежда, этот внук, которого он так несправедливо обидел. Он возвращается и просит Фабия хранить величайшую тайну. Но Фабий знает, что император не был единственным властителем, что у Ливии были страшные средства; и он рассказывает все Ливии. Через день он перестал жить; и можно было услышать, как Ливия обвиняет себя в его смерти. Но на следующий день Август умирает в свою очередь. История рассказывает, что он любил собирать инжир в своем саду, и что Ливия в тот день подала ему инжир и ела его вместе с ним; тот, что она подала ему, был отравлен, а тот, что ела сама, – нет.

Август умер на несколько месяцев раньше, чем того требовала природа, но он умер вовремя для планов Ливии. Она скрыла его смерть, посадила центуриона на галеру; эта галера на всех веслах устремилась вперед, и последний акт, который должен был передать всю власть Тиберию, свершился. Агриппа Постум был убит: только тогда смерть Августа была объявлена, и его наследство стало открытым. Остался только один наследник, усыновленный Августом, владетель легионов и Сената: это был Тиберий.

Господа, такова эта женщина, внешне – добрый гений Августа, на самом деле – мачеха для императорской семьи и бич для государства, ведь она уничтожила князей, которые могли бы принести добро и которые, во всяком случае, имели инстинкты, предпочтительные по сравнению с Тиберием. Вы спросите меня, какой была кончина Ливии. Сначала она делила империю с Тиберием, и сенат удостоил ее таких почестей, что это вызвало зависть ее сына. Тиберий уезжает на Капри, чтобы избежать этого господства; когда он чувствует себя сильнее, он проявляет к матери все презрение, которого она заслуживает, запрещает сенату оказывать ей почести, отправляет ее на виллу, и в течение трех лет она ни разу не видит этого сына, ради которого она принесла в жертву все, даже своего мужа. Она умирает без влияния, покинутая, полная досады, если не раскаяния. И после ее смерти кажется, что она становится для мира предметом ужаса. Ее труп разлагается. Напрасно ждут, что император проявит свою волю. Император не отвечает, и только когда тело начинает гнить, он приказывает его сжечь. Он даже не пришел посмотреть на свою мать на смертном одре. Она оставила завещание, но его не открывают, оно остается мертвой буквой, как говорит Тацит, и было исполнено только при Калигуле. В императорской семье существовал обычай: обожествлять умерших правителей, что причисляло их к богам; Тиберий отказал Ливии в этой славе. Все почести, которые хотел ей оказать сенат, Тиберий отверг, так что память о Ливии была унижена тем самым, кто воспользовался всеми ее преступлениями.

Ливия – это не только объяснение характера и правления Августа, она – его палач. Преступления, которые он совершил в молодости, она обратила против него. Это Ливия заставила убить одного за другим тех, кто должен был ему наследовать, и совершила столько злодеяний, чтобы уничтожить семью Августа, сколько он сам совершил, чтобы подготовить свое величие.

Император Клавдий обожествил Ливию, назвав ее божественной Августой. Клавдий, слабый умом, считал, что таким образом он воздает почести императорской семье. Конечно, имя Августы вполне заслужено, ведь Август без Ливии остался бы триумвиром Октавианом. Действительно, она была политическим вдохновителем Августа, она правила вместе с ним и за ним, после того как изменила его. Она сломала инструмент, когда он стал бесполезен, уничтожила его род, чтобы заменить его Тиберием. Своей дерзостью в преступлениях она предвещает эпоху, которая последует за ней. Она – предшественница эгоистичных, необузданных

страстей, которые определяют историю Римской империи, и в то же время она остается для потомков воплощением наказания, преследовавшего Августа.

IV. Юлия и ее отец

Часто говорят, что деспотизм – это наказание для народов, которые отказываются от своих обязанностей и погружаются в политический и административный сон. Но каково наказание для тех, кто стал орудием этого наказания и достиг власти, пренебрегая законами, справедливостью и иногда даже человечностью? Даже для тех великих властителей, чьих история и потомки почтили своим признанием, наказание всегда существовало. Что касается Августа, я показал вам, что наказание, которое история не выставляет на всеобщее обозрение, следует искать в его доме, в его семье. Я нарисовал портрет той, кто была одновременно женой, сообщницей и доверенным лицом Августа: Ливия, эта внешне дружелюбная женщина, была его тайным бичом, бичом его семьи, бичом его потомков до последнего поколения и, как выразительно говорит Тацит, мачехой государства.

Это искупление за извилистую, сложную, лицемерную политику. Было и другое искупление, столь же необходимое, которое история нам не откажет. Я говорил вам, господа, что в молодости, как и в зрелом возрасте, Август был бессовестным развратником, что разврат триумвира был отягощен кровью, и что разврат императора был не менее отвратителен, будучи поддержан соучастием Ливии и престижем абсолютной власти; достаточно было отправить носилки к первой из матрон Рима, чтобы заставить ее явиться на Палатин и отдаться, как последняя из рабынь. Рассказал ли я вам историю Аполлодора, который был наставником Августа и, увидев молодую женщину, отчаявшуюся из-за вызова во дворец, сел в носилки вместо нее и показал императору, что заговорщики могут сделать то же, что и он, используя ту же уловку, чтобы проникнуть к нему? Это был весь урок, который Август извлек из этого приключения. Но главный урок должен был преподнести ему его единственный ребенок, его собственная кровь, прекрасная Юлия. Когда Август, достигнув заката своей жизни, говорит о своих слишком публичных горестях, он цитирует строку из Гомера и, применяя ее к себе, говорит: «Одно из двух: либо я должен был жить без жены, либо умереть без детей».

Эти слова, господа, – откровение: они слишком оправданы фактами.

У Августа было две жены до Ливии: молодая девушка из семьи Клавдиев, которую он отверг, прежде чем она достигла брачного возраста, затем Скрибония, от которой у него была Юлия. Но едва Скрибония оправилась от родов, как он развелся с ней по обвинению в прелюбодеянии. Было ли это обвинение правдой? Я верю, что да, ведь Октавиану не нужен был предлог, чтобы развестись со Скрибонией, развод был обычным делом в римских нравах; однако стоит добавить, что сразу после развода со Скрибонией он женился на Ливии, к которой испытывал необузданную страсть. Поэтому возможно, что обвинения против Скрибонии были тем более яростными, чем сильнее было его желание жениться на Ливии.

Юлия родилась в 715 году от основания Рима. С самого рождения эта девушка, которой суждено было иметь множество любовников, благодаря политическим комбинациям своего отца, была предназначена для нескольких мужей по очереди. В возрасте двух лет ее обручили с сыном триумвира Антония, которому было десять лет и которого звали Антулл. Вы уже видите влияние Ливии и ту ловкую политику, которая связывала Антония союзами, пока его не удалось победить и свергнуть. История также упоминает – это, должно быть, насмешка Антония – обручение с Котизоном, царем гетов; затем, в четырнадцать лет, с Марцеллом, племянником Августа, усыновленным императором и предназначенным ему в наследники.

Марцелл умирает, и рука Юлии снова свободна. В 732 году, когда ей едва исполнилось семнадцать лет, Август отдает ее Агриппе, уже женатому на его племяннице Марцелле, дочери Октавии, и имеющему детей. Август заставил его развестись с Марцеллой, чтобы жениться на его дочери Юлии и стать его назначенным преемником в империи. Агриппа умер после одиннадцати лет брака; та же политика Августа: он заставляет Тиберия развестись с его женой

Агриппиной, которую тот любил. Тиберий в свою очередь становится мужем Юлии. По современным представлениям, это выглядит как серия инцестов, не говоря уже о скандале союзов, заключенных и расторгнутых таким образом. Это замечание принадлежит не мне, а Лагарпу, который делает его в примечании к своему переводу Светония.

Юлия была воспитана строго. Август настаивал на том, чтобы она получила обширное образование, обычно предназначенное для мужчин, и в то же время обладала женскими добродетелями. Он хотел, чтобы она научилась прясть шерсть. Ливия подавала ей хороший пример. Даже когда она стала старше, Август следил за ней издалека и требовал точных отчетов обо всем, что ее окружало.

Итак, однажды летом, чтобы уберечь её от дурного воздуха Рима, столь же опасного в то время, как и сегодня, Юлию отправили на морские купания в Байи. Август узнал, что молодой патриций с хорошими нравами и серьёзным характером, которому нельзя было не доверять, подошёл к ней на берегу, чтобы поприветствовать её. Немедленно он написал этому молодому человеку, делая ему самые резкие упрёки, говоря, что даже такой простой поступок был неприличным, что он не выполнил своего долга перед ней и перед императором. Этот факт показывает, с какой бдительностью Август охранял свою дочь. К строгому воспитанию, которое он ей давал, добавлялось изучение искусств. Но была одна вещь, которую он забыл, и о которой другой, нежели я, смог бы рассказать вам лучше, поскольку в Коллеж де Франс сейчас проходит курс, пользующийся большим и заслуженным успехом, – курс г-на Легуве о родителях и детях.

Г-н Легуве напомним вам, господа, в тёплых и красноречивых выражениях, что забыл Август: лучшие уроки родителей ничто по сравнению с примерами, которые они подают. Август был строг к Юлии, но он подавал ей пример самой спокойной и неизменной безнравственности. Вот почему все его заботы оказались напрасными. Едва освободившись благодаря замужеству, поскольку, будучи дочерью императора, она держала своего мужа под каблуком, Юлия больше не знала удержу и пустилась в одну из самых развратных жизней, которые только мог показать Римской империи. Едва выйдя замуж за Агриппу, она уже имела любимого любовника, Семпрония Гракха, одного из славных имён Рима. Это было печальным занятием для наследника Семпрониев, но он был не один. Вскоре вокруг Юлии собралась толпа молодых патрициев, увлечённых лишь удовольствиями, искавших только скандалов, не уважавших ни родину, ни честь. В довершение несчастья, они в некотором роде заслуживали оправдания. Что им было делать? Ничего. Все генералы были принцами императорской семьи, государственные должности находились в руках императора или его близких, так что, исключённые из военной жизни, политической жизни, трибуны и собраний, эти потомки великих людей республики бросались с неистовой страстью в удовольствия, бесполезные для них самих, бесполезные для их страны, годные лишь для того, чтобы составлять свиту Юлии. Вина лежит не только на этом поколении, но и на трусости их отцов и особенно на деспотизме Августа, который иссушил в зародыше гражданскую энергию, благородный труд, патриотизм.

Юлия была развратна, но не без меры, а скорее с определённым расчётом, ибо следует заметить, что она была человеком бесконечно остроумным. У неё была лёгкость в мыслях, но также и гордость. Её тщеславие не было лишь внешним, заимствованным от её красоты, проявлявшимся в большой аффектации кокетства в нарядах: это была глубокая, убеждённая гордость, и, в некотором роде, родовая. Едва её отец взойшёл на трон, она почувствовала себя выше всех женщин, она довела до крайности уважение к своей крови, источник которой был провозглашён божественным и воспевался современными поэтами. Это аристократическое чувство она сохраняла даже в разгар излишеств, которым предавалась, и среди которых она сохраняла такую гордость, такое высокомерие, что в течение многих лет она внушала уважение не только двору, который всё видел, но и своему отцу Августу.

Действительно, кажется, что долгое время Август не знал, какова была жизнь его дочери; он видел лишь безумное кокетство и симптомы, которые невозможно было не заметить отцу,

живущему в регулярном общении с дочерью. История сохранила для нас несколько маленьких семейных сцен, которые лишают нас всяких иллюзий на этот счёт.

Однажды Юлия предстала перед отцом в костюме такой красоты, богатства и роскоши, что это было почти оскорбительно, особенно для Августа, который хотел, чтобы в его доме царил серьёзность и простота, напоминающая нравы республики.

Август нахмурился и сделал дочери резкие замечания. На следующий день она вернулась в простом, достойном матроны, матери семейства, наряде. Август похвалил её; она ответила ему с тонкостью и лицемерием, которые выдавали дочь Августа: «Вчера я была одета, чтобы нравиться мужу; сегодня – чтобы нравиться отцу».

В другой раз в театре были зарезервированы две ложи для императорской семьи: в одной была Ливия; в другой – Юлия. Ливия, женщина строгая, с безупречными нравами, питавшая слишком обширные амбиции, чтобы ставить их под угрозу бесполезными удовольствиями, была окружена пожилыми мужчинами; её ложа имела вид серьёзности и вполне приличного тона. Напротив, ложа Юлии была заполнена молодыми безумцами в ярких одеждах, с пальцами, униженными кольцами и драгоценными камнями, привлекающими взгляды и вызывающими скандал своими смехами. Август был более возмущён, чем кто-либо; он написал несколько слов на своих табличках и передал их дочери. Он упрекал её в том, что вокруг неё только слишком молодые мужчины. Она ответила с некоторой игривостью: «Не беспокойтесь, они постареют вместе со мной».

Её отец не скупился на выговоры и часто давал ей понять, что хочет большей серьёзности, и иногда касался болезненного места. Однажды он сказал ей: «Дорогая дочь, что бы вы предпочли: быть лысой или носить седые волосы?» Она ответила: «Я не знаю, к чему ведёт этот вопрос, но я не хотела бы быть лысой». Тогда Август сказал: «Так зачем же вы позволяете своим рабам вырывать вам волосы?» – и показал ей на её платке седой волос, оставшийся после эпиляции. У Юлии были чёрные волосы, и, как это бывает с волосами такого оттенка, в них пробивались серебряные нити.

Верить, что между отцом и дочерью было много привязанности, значило бы противоречить историческим свидетельствам, ибо кажется, что Юлия, будучи очень гордой тем, что она его дочь, испытывала к своему отцу презрение и даже оттенок пренебрежения. Было ли это презрение к его политическому поведению или к его внешнему виду, к той общей манере держаться, которая в глазах толпы составляла достоинство? Август был очень прост, и это шокировало Юлию. Однажды друг её отца, возможно, сам Агриппа, сказал ей: «Почему вы не следуете примеру вашего отца? Посмотрите, как он осторожен, чтобы не задеть других людей, как он избегает ранить их самолюбие слишком красивыми костюмами и слишком богатыми украшениями, как он старается не дать им почувствовать, что он – хозяин империи!» Тогда Юлия ответила: «Мой отец не знает, что значит сохранять своё достоинство; что касается меня, я знаю и никогда не забуду, что я – дочь императора».

Эта родовая гордость, которой она была одержима и которая была одной из ярких черт её характера, внушала ей презрение и даже более строгое отношение к тому лицемерию, которое проявлял её отец и которое заставляло его падать на колени перед народом, умоляя не называть его диктатором, тогда как он, по сути, был гораздо больше, чем диктатор.

Она доводила эту гордость до крайних пределов; она была неистовой, как её страсти; она доказала это пугающими словами. Однако нужно дойти до конца: что сказал человек из императорской семьи, почему бы мне не повторить это вам? У неё было пятеро детей от Агриппы, трое сыновей, которых я вам назвал и о чьих коротких судьбах я вам рассказывал, и две дочери, Юлия и Агриппина. Эти пятеро детей поразительно походили на своего отца; это удивляло всех, особенно близких Юлии, которые мало стеснялись с ней и однажды спросили, как получилось, что при её образе жизни её пятеро детей были точными копиями Агриппы. «Я никогда не беру пассажиров, – ответила она, – пока груз не будет полным».

Это заставляет содрогнуться, не так ли? И есть что-то ужасное в этой родовой гордости, сочетающейся с глубочайшим развратом и вводящей расчёт в распутство. Но вы увидите в поведении Юлии поступок, ещё более серьёзный, чем эти слова, который станет искуплением для её отца и причиной гибели её молодой семьи.

Юлия решила, что скандал её жизни недостаточен. Она начала бродить по улицам, как позже будет делать Мессалина, и однажды ночью, окружённая своей свитой молодых развратников, она поднялась на трибуну для речей, на те самые ростры, которые в течение пяти веков были святилищем республики, свободы, и которые во времена Августа служили лишь для печальных церемоний. Однако накануне эта трибуна использовалась самим императором. Он сам, своим голосом, перед собравшимся народом, провозгласил законы против прелюбодеяния. Август получил от народа, который не мог ему ни в чём отказать, титул «магистра нравов», *magister morum*. Он чувствовал, какие обязанности накладывал этот титул, не на него, ибо он не изменил своих нравов, но на других. Его первой заботой стало составление строгого закона против прелюбодеяния, и он сам провозгласил его. Именно на следующую ночь Юлия нашла забавным прийти на Форум с группой развратников, насмехаться над законами своего отца, осквернять самые почтенные воспоминания республики и предаваться своим любовникам на трибуне для речей. Но это ещё не всё: она принесла с собой венки, и это обстоятельство, возможно, даёт нам объяснение одной из особенностей Форума, которое история не смогла нам предоставить.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.